

К_ш 1212499

Владимир АРИНИН, Вячеслав КОШЕЛЕВ

БУМАГИ ПУШКИНА

МОСКВА 1985 г.

Владимир АРИНИН, Вячеслав КОШЕЛЕВ

БУМАГИ ПУШКИНА
=====

Драма в двух действиях

№ А-09789
от 26/IX-1984 г.

Пьеса направлена для распрост-
ранения Управлением театров
Министерства культуры РСФСР

Ответственный редактор И.СКАЧКОВ

к III 1212499

ВИАП-ИНФОРМ

103012, Москва, проезд Салунова, дом 5

-1985-

Хоть убей, следа не видно:
Сбились мы. Что делать нам.
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

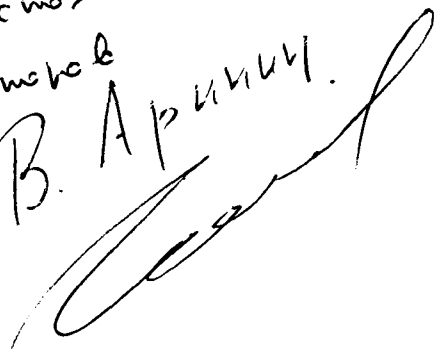
А.Пушкин, эпиграф Достоевского
к роману "Бесы".

...Чувства добрые я лирой пробуждал.

А.Пушкин

Областью библиотеке
от постоянных читателей.
и авторов

В. Аринин.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПУШКИН.

ЖУКОВСКИЙ.

ДАЛЬ.

ЛИНЕВ.

ДУБЕЛЬТ.

СОФИ КАРАМЗИНА.

ИДАЛИЯ ПОЛЕТИКА.

МАШЕНЬКА ПРОТАСОВА.

ДАМА.

ГОСПОДИН В ПАРТИКУЛЯРНОМ ПЛАТЬЕ /НИКТО/.

САЗОНОВ.

ЖАНДАРМЫ.

Время действия: 27 января – 25 февраля 1837 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

27 января 1837 года. Гостиная в доме Карамзиных.

СОФИ КАРАМЗИНА и ЖУКОВСКИЙ.

ЖУКОВСКИЙ. Дома ли Катерина Андреевна?

СОФИ. Маман поехала к Вяземским. Дядя Пьер в ужасной хандре от этой истории с Пушкиным!

ЖУКОВСКИЙ /счастливо/. Господи, какая история – все кончено! Я, собственно, затем и приехал, чтобы сообщить, я все уладил!

СОФИ. С Пушкиным?

ЖУКОВСКИЙ. Не только в Пушкиным! Со всеми! Пушкин дал слово государю, что он не будет стреляться на дуэли. Геккеры дали слово, что Дантес прекратит всякие встречи с Натальей Николаевной, – по крайней мере, сейчас, после женитьбы на ее сестре. Граф Бенкендорф заверил: за Пушкиным и делами его будут неотступно следить и до дуэли не допустят. Светские дамы уже, кажется, устали от слухов... Так что история с Пушкиным, как вы изволили выразиться, подходит к завершению. Еще немного – свет успокоится, и новая молва займет его уши и все войдет на круги своя. Я счастлив, Софи! Да, да, да, я счастлив объявить именно вам – все уладилось. Я счастлив тем, что оказался прав.

СОФИ. Не уверена... Вот на прошлой неделе на бале у Мещерских собрались, как на грех, и Пушкин, и Геккеры. Это начинает становиться безнравственным! Пушкин скрежещет зубами.

Натали краснеет и опускает глаза. Екатерина, ее любезная сестрица, сияет. Она влюблена в Дантеса по уши, и теперь он ее муж. Один Дантес, кажется, благороднее всех. Если он действительно любит Натали – я бы хотела, чтобы меня так любили!

ЖУКОВСКИЙ. Господи, не говорите так. Может быть, вас любят и сильно, и преданно... Просто это надо уметь увидеть... /Пауза./

СОФИ. Да... Любопытно.

ЖУКОВСКИЙ. И к тому же – это вам уже укор – вы, дочь Карамзина, говорите о Пушкине невесть что! Вокруг Пушкина, в сущности, все достойные люди. Со всеми можно договориться, помирить, успокоить... Я это сделал.

СОФИ /улыбаясь/. Василий Андреевич, вы невозможны... За свою жизнь я перевидела, кажется всех русских писателей и скажу откровенно: в российской литературе вы – Жуковский – самый добрый человек!

ЖУКОВСКИЙ. Это лестные для меня слова. Не знаю, заслуживаю ли я их. Ибо доброта суть самое великое качество натуры человеческой. Она не бессильна: она может горы свернуть. Человека спасти. На доброте мир держится... Правда, люди иногда неразумны... Кто-то погорячился, кто-то не так ответил, кто-то без особого умысла добавил – и пошло-поехало. И чуть ли не дуэль. Но невозможно – подвергать жизнь гения опасности? Допустить дуэль – это значит допустить мнение: люди слепы или, хуже того, сознательно злы. Но мы-то всем сердцем верим: люди добры – таково божье провидение. Люди добры, Софи, и я счастлив – никакой дуэли быть не может.

/Вбегает ЛИНЕВ./

ЛИНЕВ. Простите, я ищу Жуковского! Василий Андреевич... дуэль... Поезжайте к Пушкину: он смертельно ранен. Он умирает.

Картина вторая

29 января 1837 года. Кабинет в квартире Пушкиных. Темные силуэты у ложа умирающего. Высвечены лица: ПУШКИН в постели, рядом - ДАЛЬ, в головах - ЖУКОВСКИЙ.

ЖУКОВСКИЙ. Двое суток после дуэли...

ПУШКИН. Ну подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!.. /Впадает в забытие./

ДАЛЬ /тихо/. Отходит...

ПУШКИН /открывает глаза, Далю/. Мне было пригрезилось, что я с тобой лезу по этим книгам и полкам... высоко... и голова закружилась... /Помолчав./ Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!

ДАЛЬ. Подложите еще подушку! /Берет Пушкина под мышки, приподымает. Жуковский подкладывает подушку./

ПУШКИН /медленно/. Кончена... жизнь...

ДАЛЬ. Да, конечно, мы тебя переложили.

ПУШКИН /отчетливо/. Жизнь кончена... Тяжело дышать, давит...

/Пауза./

ЖУКОВСКИЙ. Что он?

ДАЛЬ /тихо/. Кончилось.

/Пауза./

ЖУКОВСКИЙ /берет со стола плоские золотые часы Пушкина, которые начинают мелодично звонить, останавливает их/. Два часа сорок пять минут.

/Пауза. Шум толпы с улицы./

ЖУКОВСКИЙ /выходит в переднюю/. Пушкин умер.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Убит!...

Картина третья

Час спустя. Комната в доме Пушкина. Одна из дверей ведет в кабинет ^{поэта,} другая - в ближнюю горницу. Когда открываются двери - видно лежащее на столе тело Пушкина. Горят свечи. Оттуда выходят ЖУКОВСКИЙ и ДАЛЬ.

ЖУКОВСКИЙ. У него сейчас необыкновенное лицо... Я знаю Пушкина с пятнадцати лет - и никогда в лице его не видел выражения такой глубокой, великой и торжественной мысли. О чем он думает сейчас, когда все земное отрешилось от него соприкосновением смерти? Он уже никому не скажет, о чем он думает...

ДАЛЬ. Вы знаете, мы были рядом всю ночь, когда он умирал. Почти всю ночь он держал меня за руку, просил ложечку холодной воды, кусочек льду и всегда старался управляться своеручно. Даже сам снимал и накладывал припарки. И приговаривал: "Вот и прекрасно", "Вот и хорошо". Спросил об жене. Я ответил: "Много людей принимает к тебе участие: зала и передняя полны". "Ну, спасибо, - отвечает он. - Однако ж, поди, скажи жене, что все слава богу... Легко..." А сам

страдал жесточайше...

ЖУКОВСКИЙ. Ведь вы с ним перешли на "ты", Владимир Иванович?

ДАЛЬ. Представьте, я всю жизнь был на "вы" с Александром Сергеевичем — и не посмел бы иначе. А тут, перед смертью, он сказал мне "ты", и я ответил ему тем же. Побрататься с ним... не для здешнего мира... Я много перестрадал в эту ночь. Все никак не мог отбиться от трех страшных слов из "Онегина": "Ну что ж, убит!" Ужасно! Здесь, где душа рвется из тела, — здесь только и можно изучать опытную мудрость и философию жизни!

ЖУКОВСКИЙ. Владимир Иванович!.. Это надобно записать — то, что вы говорите! Для потомков это бесценно. Пока мы живы, все, кто был рядом с ним, — мы должны сохранить то, что с ним связано. То, что есть у нас в памяти. Это — долг наш, если хотите.

ДАЛЬ. Да, конечно...

/Входит ЛИНЕВ./

ЖУКОВСКИЙ. Иван Логинович! Как там?..

ЛИНЕВ. Самуил Иванович Гальберг сейчас снимает маску с покойного. Я помогал ему...

ЖУКОВСКИЙ. Позвольте представить вам: Владимир Иванович Даль. Доктор, ученый, знаток великорусского языка, писатель... А это Иван Логинович Линев, живописец. Он писал последний портрет Пушкина.

/Шум за сценой./

ДАЛЬ /с беспокойством/. Прихожая и улица полны народом. Дверь на запоре, но все стремятся к Пушкину.

ЖУКОВСКИЙ. У нас мало времени. Мы должны успеть. Я вам полностью доверяю... Обождите меня. /Выходит./

ДАЛЬ. О чем это он?

ЛИНЕВ. Не знаю, сударь.

ДАЛЬ /взглянув в окно/. Жандармы!

ЖУКОВСКИЙ /возвращается из кабинета с пятью пакетами. Линеvu/. Голубчик, милый, вынесите это... Сейчас я опечатаю кабинет. Спрячьте это... /Взволнованно./ Мы должны успеть... Голубчик... А потом - придите ко мне...

/ЛИНЕВ уходит. С другой стороны входит ДУБЕЛЬТ и с ним жандармы в голубых мундирах. Жуковский идет навстречу./

Чем обязаны?

ДУБЕЛЬТ. Начальник штаба корпуса жандармов генерал Дубельт...

ЖУКОВСКИЙ. К чему так официально, Леонтий Васильевич? Нас когда-то представляли друг другу, а у меня хорошая память.

ДУБЕЛЬТ /протягивает бумагу/. Распоряжение государя. ЖУКОВСКИЙ. "Пушкин умер, я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю послать Дубельта к Жуковскому, дабы он приложил жандармскую печать для большей сохранности". /Отрывается от бумаги./ Что, мне не доверяют? А ведь всем известно - моя преданность престолу безгранична!

ДУБЕЛЬТ. Зачем вы толкуете превратно, Василий Андреевич? Ваша печать может быть сорвана. На печать Третьего отделения вряд ли кто покусится. Государь пишет из соображений безопасности.

ЖУКОВСКИЙ. Да-да... /Продолжает чтение./ "По истечении восьми дней Жуковский и Дубельт, по снятии печатей, могут разобрать бумаги..." Значит, с вами?

ДУБЕЛЬТ. Да, непременно - и наедине... А почему сейчас так много народу у дома?

ЖУКОВСКИЙ. Россия прощается с ее национальным поэтом!

ДУБЕЛЬТ. Надеюсь, Василий Андреевич, что мы будем действовать и думать одинаково, невзирая на то, что я - жандарм, а вы - поэт?

ЖУКОВСКИЙ. Мне тоже остается только надеяться на это. Чу, а если и возникнет такой спор, то он пойдет только на пользу. Не так ли?

ДУБЕЛЬТ. Конечно. /Обращаясь к Далю./ И вот Владимир Иванович будет тому свидетелем.

ДАЛЬ. Вы запомнили мое имя, генерал?

ДУБЕЛЬТ. Ну, а как же? Вы все же наш бывший подопечный... Но не подумайте, будто я хочу вас чем-то ущемить. Грехи молодости, с кем не случается. Я ведь и сам бывал в следственной камере. Сидел, кстати говоря, вместе с Грибоедовым.

ДАЛЬ. Мне удивительны ваши откровенности и воспоминания, генерал. Что с вами? Насколько я знаю, ведь... вы, генерал, вы сами были среди заговорщиков двадцать пятого года?

ДУБЕЛЬТ. Да, я был прикосновен к заговору. Но все в этом мире так относительно, Владимир Иванович.

ДАЛЬ. О, самая модная теория нашего времени - мол, все в мире относительно: вера и неверие, добро и зло, правда и

неправда... Незыблемо лишь то, что практично. Отсюда удивительные метаморфозы, как у вас, генерал – от бывшего заговорщика до высшего жандармского чина.

ДУБЕЛЬТ. Владимир Иванович, я знаю о вашем благоразумии и не узнаю вас. Вы мне дерзите. Но я вам на это не отвечу... Что с вами? Мучают прежние обиды? Да, мы вас обвиняли в крамоле. Но ведь обвинение снято, вас быстро выпустили.

ДАЛЬ. Это вот Василий Андреевич выручил, пошел прямо на прием к государыне.

ДУБЕЛЬТ. И слава богу, все обошлось. И вы, Владимир Иванович, – во всяком случае, так кажется мне – в чем-то повторите мой путь. А сейчас бунтуете вроде бы против собственной натуры и осторожности. Отчего?

ДАЛЬ. Пушкин убит.

ДУБЕЛЬТ. Тем более наши взаимные счета у гроба Пушкина неуместны.

ДАЛЬ. Но, генерал, уместны ли в таком случае жандармы? Я что-то не понимаю. Что здесь происходит? Революция? Крамола? Ведь это – смерть! Да, да, да, это – человеческая смерть, человек – на смертном одре. Зачем же – оскорбление смерти? Зачем жандармы?

ДУБЕЛЬТ /насмешливо/. Да вы, сударь, как будто взбунтовались. Не пожалейте об этом. Может статься, что и пожалеете... уже завтра.

ДАЛЬ. Увы – может, завтра и пожалею... Я уже не бунтовщик. Может, завтра пожалею... А пока не могу иначе – рядом с Пушкиным, убиенным. И прошу вас ответить – зачем жандармы?

ДУБЕЛЬТ. Мы тоже отдаем дань национальному поэту.
И хотели бы поклониться его телу.

/Жандармы уходят в комнату к мертвому Пушкину./

ДАЛЬ /взволнованно/. Василий Андреевич! Вы будете с этим человеком разбирать бумаги Пушкина. Будьте осторожны, умоляю вас!

ЖУКОВСКИЙ. По-вашему, Дубельт – злой человек?

ДАЛЬ. Нет, он не злой человек. Об его честности, уме и порядочности я много слышал. Но то, что стоит за ним... Берегитесь! У вас добрейшая душа, Василий Андреевич. А добро беззащитно. Я столько раз бывал свидетелем беззащитности и трагедии добра! Я сам был таким – они меня сломали!

/Дубельт и жандармы возвращаются./

ДУБЕЛЬТ /жандармам/. Осмотреть комнаты: все ли в порядке! /Жуковскому./ А мы, Василий Андреевич, осмотрим бумаги Пушкина и опечатаем кабинет. Прошу вас... /Уходят в кабинет./

ДАЛЬ. Все это похоже на обыск... /Подходит к окну./
А народу-то на улице! Сколько народу! Такого еще Петербург не знал!

Картина четвертая

Комната в Третьем отделении. ДУБЕЛЬТ и ГОСПОДИН в партикулярном платье. На стене – портрет императора.

ДУБЕЛЬТ. Есть новый анекдотец?

ГОСПОДИН. Имеется, ваше превосходительство.

ДУБЕЛЬТ. Ну-с?

ГОСПОДИН /взглянув на портрет/. О государе...

ДУБЕЛЬТ /с улыбкой/. Тем лучше.

ГОСПОДИН. Значит, так... У нас в России, как известно, велением государя-императора на все есть нормы. Сколько часов спать, сколько и что есть, как служить, как отдыхать - сами знаете... Вот и солдатам столичного гарнизона положено раз на месяц сходить в публичный дом. Такова норма. Солдаты обижаются: нормы-то им не хватает... А первый солдат России /Взгляд на портрет/, государь-император в этом деликатном вопросе как раз живет без нормы.

ДУБЕЛЬТ /с усмешкой/. Что верно, то верно.

ГОСПОДИН. Вот-вот. Иной раз так увлечется - про все имперские дела забывает. У министров руки опускаются. В Третьем отделении - хе-хе - растерянность. У нас же, в России, без руководства нельзя-с. А в какой его спальне искать - не знают. Запутались в спальнях. И никто, даже граф Бенкендорф, даже ваше превосходительство Дубельт о том государю сказать не смеют. Однако один нашелся. Не выдержал. Решил всю правду сказать. И знаете кто? Медный всадник. То есть памятник Петру Великому. Видит медный Петр Великий, в государстве запущение. Государь дома не ночует. Пришпорил в полночь Петр своего медного скакуна, помчался по столичным улицам - а куда скакать? Сначала к Нарышкиным, потом к Долго-руким - пусто! Тогда, естественно, к Вареньке Нелидовой - тоже пусто! Только под утро, полстолицы обскакав, находит государя в пансионе балетных учениц. Гаркнул Петр: "Что ж ты это себе позволяешь, молодой человек?" Государь, как был в исподнем, на балкон выбежал: "Извините, мол, прадедушка, ваше величество, увлекся. \Виноват!" А Петр ему: "Норму надобно знать!" И еще такое добавил... /Взглянув на портрет, огля-

нувшись по привычке, шепчет Дубельту на ухо./

ДУБЕЛЬТ /смеясь/. А ничего.... Забавно....

ГОСПОДИН. Рад угодить, ваше превосходительство.

ДУБЕЛЬТ /похлопав его по плечу/. А вот с Пушкинским "Медным всадником" у нас получился другой анекдот. Поэму-то запретили. А поэма хороша....

ГОСПОДИН /положив ему руку на плечо/. Не смущайтесь, Леонтий Васильевич. Не вы ж главный в том запрете.... Потомство с вас не взыщет. Не смущайтесь.

ДУБЕЛЬТ /резко/. А вы кто такой?

ГОСПОДИН /испуганно/. Я?

ДУБЕЛЬТ. Кто ваш отец?

ГОСПОДИН. Ну вы же знаете, ваше превосходительство. Либералист. Опальный.

ДУБЕЛЬТ. А дед?

ГОСПОДИН. Дед - напротив того: верный слуга престолу.

ДУБЕЛЬТ. Один - либералист, другой - роялист.... Ну, а вы - кто такой?

ГОСПОДИН /растерянно/. Я? Я - никто.... Служу-с....

ДУБЕЛЬТ. Слово-то какое - никто! Многозначительное слово. Возьмите-ка, советую вам, служебный псевдоним - Никто. Звучит, а? Впрочем, не нужно. Сейчас многие у нас в России - Никто. И почему это русский человек становится вдруг Никто?.. Однако, шутки в сторону. Давайте о деле.

ГОСПОДИН. О каком, ваше превосходительство?

ДУБЕЛЬТ. О бумагах Пушкина. Как ты полагаешь, Идалия Полетика поможет нам в этом?

ГОСПОДИН. Всенепременно. Я абсолютно уверен в Идалии

Григорьевне. Я у них принят.

ДУБЕЛЬТ. По моей просьбе. Какую все-таки роль сыграла Идалия Полетика в этой истории с Пушкиным, хотел бы я знать?..

ГОСПОДИН /открывая папку/. Вот биографические сведения об ней. Двадцать семь лет. Происхождение...

ДУБЕЛЬТ /перебивая/. Это-то я как раз знаю. Незаконная дочь Дон Жуана.

ГОСПОДИН. Как это?

ДУБЕЛЬТ. Вот видишь, я даже знаю то, что ты не знаешь. Отец Идалии, граф Григорий Александрович Строганов, в молодости имел феноменальный успех у женщин. Служа по дипломатической части в Англии, он знал лорда Байрона, и, говорят, Байрон изобразил его в своем "Дон Жуане". Будучи послом в Лиссабоне, Строганов ухитрился отбить жену и португальского графа д'Эга. Она и стала матерью Идалии, родившейся еще до брака графини со Строгановым. Идалия - одна из самых красивых женщин Петербурга... /Смотрит в бумаги./ Ты пишешь об ее интригах противу Пушкина?

ГОСПОДИН. Да, здесь сведений много. Идалия Григорьевна устраивала свидания Дантеса с женою Пушкина Натальей Николаевной на своей квартире. Как известно, свидания эти были безрезультатны для Дантеса. И еще. Идалия Григорьевна распространяет слухи о любовной связи Пушкина с сестрой Натальи Николаевны Александриной...

ДУБЕЛЬТ. Довольно. Что касается Александрины - это, по моему, просто выдумка... Во всяком случае, наряду с Нессельроде, Гагариными, Уваровыми Идалия Полетика относится к партии, враждебной Пушкину. Мы не должны принадлежать ни к той, ни к другой партии. Мы должны быть беспристрастны и все распутать.

И ты в этом деле не смущайся, иди выше, невзирая на лица.

Расследуй, невзирая ни на кого.

ГОСПОДИН. Слушаюсь.

ДУБЕЛЬТ. Известно ли что-нибудь касательно пяти пакетов, кои Жуковский вынес из кабинета после кончины Пушкина?

ГОСПОДИН. Известен человек, коему они были переданы.

ДУБЕЛЬТ. Кто таков?

ГОСПОДИН. Некто Линеv, Иван Логинович. Устюженский помещик. По зимам живет в Санкт-Петербурге, имеет собственный дом на Второй Итальянской улице. Принимает литераторов и художников. Забавляется рисованием. Имеет сердечное влечение к Идалии Григорьевне...

ДУБЕЛЬТ. Что ж? В таком случае надобно, чтобы Идалия Григорьевна в ближайшее время пригласила к себе и тебя, и этого... Линева. Займись-ка им покороче. Теперь ступай.

ГОСПОДИН. Слушаюсь, ваше превосходительство. Все будет исполнено как подобает. /Уходит./

ДУБЕЛЬТ /задумчив/. Кто же все-таки двигал всеми и всем... хотел бы я знать... В том числе и про себя самого...

Картина пятая

Поздний вечер 29 января. Комната в квартире Пушкина. Идут приготовления к панихиде. ЖУКОВСКИЙ и СОФИ, оба усталые.

СОФИ. Сегодня день вашего рождения...

ЖУКОВСКИЙ. Сегодня умер Пушкин... И сейчас будет панихида. Господи, думал ли я, что буду рисовать Пушкина

в гробу! Мне сегодня пятьдесят четыре года — а ему не было и тридцати семи... Как он красив на смертном одре!

СОФИ. Вам надобно отдохнуть, Василий Андреевич.

ЖУКОВСКИЙ. Как вы добры, Софи! Вы... вы облегчаете мою боль! Я до сих пор не могу понять, отчего расстроилась наша помолвка!...

СОФИ. Василий Андреевич!...

/Подходит ДУБЕЛЬТ./

ЖУКОВСКИЙ. Позвольте представить вам, Софья Николаевна Карамзина. Дубельт Леонтий Васильевич, генерал, э-э-э...

ДУБЕЛЬТ /с улыбкой/. Жандармский.

ЖУКОВСКИЙ /так и не решаясь произнести этого слова/.

Э-э-э-да! Я оставляю вас, извините... Сейчас панихида...

/Уходит./

СОФИ. Я никак не предполагала увидеть здесь вас, Леонтий Васильевич.

ДУБЕЛЬТ. Благодарю вас.

СОФИ. За что?

ДУБЕЛЬТ. За то, что не называете меня "ваше превосходительство".

СОФИ. Мы когда-то были знакомы...

ДУБЕЛЬТ. Двенадцать лет. С того самого блаженной памяти двадцать пятого года, когда я был вольнодумцем и сочувствовал бунту на Сенатской площади.

СОФИ. А сейчас вам сорок пять лет, вы управляете Третьим отделением, устроили карьер, выгодно женились и надзираете за поведением в Сибири ваших бывших кумиров.

ДУБЕЛЬТ. А вы до сих пор незамужем, весьма обходительны, всеми уважаемы и... так забывчивы. Ведь мы были на ты.

СОФИ. С тех пор прошло слишком много времени.

ДУБЕЛЬТ. Да, уже несколько лет как я не бываю в вашем поэтическом доме.

СОФИ. Что же вам помешало бывать у нас?

ДУБЕЛЬТ. Ставши жандармом, я оказался неуместен у Карамзиных. Ваш покойный отец меня понял бы. Но не вольно-мысленный Вяземский, ваш дядюшка. А благочестивый Жуковский даже боится произнести это слово — жандарм...

СОФИ. А вам это слово нравится?

ДУБЕЛЬТ. Нет, но я знал, на что иду. И потому считаю излишним скрываться и стыдиться. В моем звании есть и приятные стороны, и здоровая философия.

СОФИ. О, про вас ходят легенды. Говорят, вы честны и неподкупны. Вы бьете доносчиков по щекам за клевету, а расплачиваясь с тайными агентами, даете им сумму, кратную трем: в память о тридцати сребрениках Иуды...

ДУБЕЛЬТ. Бывает и так... А сейчас мне поручена слава Пушкина. Я должен вместе с Жуковским разобрать его бумаги. И должен обеспечить порядок в ведении погребального обряда.

СОФИ. Я сочувствую... тебе. У тебя — нелегкая доля.

ДУБЕЛЬТ. "Пустое вы небрежным ты..." Софи, ты воскресаешь душу!

СОФИ. А может быть, свою душу...

ДУБЕЛЬТ. Ты примешь меня в своем доме?

СОФИ. Конечно...

ДУБЕЛЬТ. О, время не властно... Я по-прежнему люблю тебя!

СОФИ /испуганно/. Не надо! Панихида началась...

/Торжественно, мрачно и светло звучит панихида./

Картина шестая

Возвышенно-печальные звуки панихиды сменяются взрывами смеха, веселой музыки, шумными разговорами. Званный вечер у Идалии Полетика. Проходят ГОСПОДИН в партикулярном платье и ДАМА.

ДАМА. Право, вы такой несносный! Я и вам все с той же просьбой...

ГОСПОДИН. Увы, сударыня! Относительно участи Дантеса я ничего не могу вам сообщить. Тем более сейчас, в обществе...

ДАМА. Но, мон шер, ведь здесь все свои... Здесь нет случайных личностей! Право!

ГОСПОДИН. Полностью с вами согласен. У Идалии Григорьевны всегда очаровательное общество. Столь обворожительная женщина Петербурга умеет собрать у себя истинных аристократов.

ДАМА /с усмешкой/. Вы и себя причисляете к избранным, сударь?

ГОСПОДИН. Не обижайте меня, сударыня. Вчера, к примеру, Леонтий Васильевич Дубельт /а мы с ним весьма дружны/ предложил мне прелестный псевдоним. Назовитесь, говорит он /со значением/, - Некто. Есть в этом названии что-то романтическое, не правда ли?

ДАМА. А почему же вы не присутствовали у Идалии двадцать седьмого? Был изумительный вечер!

ГОСПОДИН. Я собирался, помнится... Но что-то помешало... Ах, да! Двадцать седьмого... Эта оказия с Пушкиным... Пропал вечер!

ДАМА. Как весело было! Шарман! Представьте надобно было выбирать, на что ставить. Задавались, так сказать, самые общие понятия: религия, любовь, деньги, карьер и прочее... Я хотя и не мужчина, но постоянно ставила, исходя из мужских понятий. На деньги, на карьер, на женщину... И знаете - постоянно выигрывала!

ГОСПОДИН. Весьма остроумно. Карьера, женщина, деньги - это, что хитрить, главные ценности нашего времени!

ДАМА. Видите, сударь, я с вами полностью откровенна. Даже тайну своих выигрышей раскрыла. А вы...

ГОСПОДИН. Сударыня! Но ваше любопытство к Дантесу... Это, право... Я почти ревную.

ДАМА. Пойдемте со мной... Я знаю здесь интимный уголок в библиотеке. К тому же сюда, я вижу, направляется Идалия... со своим неотесанным гостем... Пойдемте. /Уходят./

/Входят ЛИНЕВ и ИДАЛИЯ./

ЛИНЕВ. Я, право, счастлив, что вы более не сердитесь на меня, Идалия Григорьевна.

ИДАЛИЯ. Я и не думала на вас сердиться. Хотя то письмо, которое вы тогда написали...

ЛИНЕВ. Простите. Слабости сердца...

ИДАЛИЯ. Нет, я вспоминаю... Оно было столь возвышенно... Ведь вы его откуда-то из деревни писали?

ЛИНЕВ. Да, деревня, осень, вечер. Я один был, дрова горели в камине, свеча оплывала... Раскрыл книгу - не читалось. И все мысли - об вас... У меня объявилась странность. С тех пор, как увидел вас тогда... на выставке.

ИДАЛИЯ. Когда?

ЛЕНЕВ. Да... Впрочем, вы не помните. Так вот, с тех самых пор я по вечерам частенько говорю с вами. Мысленно, конечно... А в тот вечер не выдержал, написал.

ИДАЛИЯ. В вас есть поэтическая струна, Иван...

ЛИНЕВ. Логинович. Иван Логинович... Нелепо, конечно, получилось. Как это у Пушкина: "Смешон и ветреный старик!" У меня ведь дети взрослые. Жена хворает часто, в голове седины полно... А я - письмо!

ИДАЛИЯ. Полноте! Ваше письмо было весьма интересно.

ЛИНЕВ. А я подумывал, что приплыл в тихую гавань своей судьбы, мне остается лишь догнивать, как старому кораблю. А увидев вас, я понял, что стою на берегу океана безбрежного, и волны вскипают, и ветер бьется в лицо...

ИДАЛИЯ. Говорят, у вас способности к живописи. И вы написали последний портрет Пушкина?..

ЛИНЕВ. Да, написал! Я, правда, не думал, что он будет последний...

ИДАЛИЯ. То, что произошло с Пушкиным, так печально... Но он, право же, сам виновен в своей гибели.

ЛИНЕВ. Не говорите так. Он был великий человек.

ИДАЛИЯ. Может быть, он был великий поэт... Но вел он себя скверно, поверьте мне! И дело даже не в его распутствах: кто из нас не грешен? С его африканским характером он был неуместен в свете.

ЛИНЕВ. Почему же?

ИДАЛИЯ. Вы знаете: в свете самой отличительной чертой является спокойствие. Следует во всем сохранить разумное лицо и светское спокойствие. В любом случае. Даже при утрате собственной жены и при измене ее. Так должно. Таков тон.

ЛИНЕВ. А Пушкин не мог снести оскорбления, не поднимая при этом неистового шума? Да, наверное, не мог! И я бы тоже не смог...

ИДАЛИЯ. Вы, насколько я понимаю, тоже склонны совершать опрометчиные поступки. Я полагаю, что в тех пяти пакетах, что были похищены из бумаг Пушкина, есть много интересного.

ЛИНЕВ. Идалия Григорьевна!.. Я... я не могу говорить с вами об этом!

/Подходят ГОСПОДИН и ДАМА./

ИДАЛИЯ. Позвольте представить вам: живописец Иван Логинович Линёв, автор последнего портрета Пушкина.

ДАМА. Много слышали об вас...

ИДАЛИЯ. Не будем мешать мужчинам, милая. /Отводит даму в сторону./

ГОСПОДИН. Как это тяжело: Пушкин! Общественное мнение высказалось при его кончине с большей силой, чем мы предполагали...

ЛИНЕВ. Я не знаю вас. Кто вы такой?

ГОСПОДИН. А зачем вам это знать, любезный Иван Логинович? Мы с вами встречаемся первый раз... И как вы сразу: с места в карьер. Я просто хотел вас... предупредить.

ЛИНЕВ. Предупредить? В чем же? И что это за тон?

ГОСПОДИН. А вы непонятливы. Так вот. Согласившись помогать Жуковскому, вы поставили себя в ложное положение. У вас могут быть серьезные неприятности... Осознайте это вполне. Нам совершенно точно известно, что Жуковский передал вам пять пакетов с бумагами Пушкина. Где они, Иван Логинович?

ЛИНЕВ. Я понял, кто вы такой... Мне неприятно говорить с вами.

ГОСПОДИН. Мне разговор с вами также не доставляет наслаждения. И все-таки должен заметить вам, вы вступаете на опасную стезю. Что из того, что Жуковский живет в Зимнем дворце и воспитывает государя-наследника? Вы-то совсем другая статья. Мы вас в два счета выставим из столицы. Вы умрете в безвестности. Ваш карьер живописца на том и кончится: никаких портретов, никаких заказов... Но ежели вы^{не} будете отказываться от благоразумия, то станете...

ЛИНЕВ. Я не желаю обсуждать с вами вопросы моего будущего. Я - честный человек.

ГОСПОДИН. О да! Вы - честный человек!.. И Жуковский - честный человек. Но что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Не каждому дозволяется быть честным. Запомните это... /Пауза./ Вы ничего не хотите добавить? /Пауза./ У вас не будет другого случая.

ЛИНЕВ. Мне не нужен случай, сударь! /Ударяет его по лицу./

/Подходят ИДАЛИЯ и ДАМА./

ИДАЛИЯ /Линеву/. Сударь, такие жесты не приняты в этом доме!

ЛИНЕВ. О да! Здесь все совершается спокойно. В том числе и мерзости. А я... со своими глупостями и слабостями сердца!.. О, как у вас спокойно!..

ГОСПОДИН. Сударь, вы жестоко раскаетесь в своих речах и действиях! Вы не представляете, что вам грозит!

ЛИНЕВ. Напротив, я все отлично представляю... И я понял, почему Пушкин убит... Вы - заговор против него! Даже против мертвого. И я не могу быть более в вашем доме, прекрасная

Идалия Григорьевна. Прощайте. /Уходит./

ГОСПОДИН. Ну нет, просто так он не уйдет.

ИДАЛИЯ /холодно, Господину/. Прошу вас оставить мой дом, сударь! Решайте свои скандалы в другом месте!

ГОСПОДИН. Как? Идалия Григорьевна, это недоразумение. Это просто...

ИДАЛИЯ. Прощайте, сударь.

ГОСПОДИН. Я... я не понимаю... Это недоразумение...

ИДАЛИЯ. Мне нечего добавить, сударь. И прошу в моем доме больше не появляться.

/ГОСПОДИН уходит./

ДАМА. Идалия, какой реприманд! Зачем? Я не узнаю тебя...

ИДАЛИЯ. Я тоже не узнаю себя. Я взвинчена сегодня. Этот живописец, однако, занятен...

ДАМА. Совершенный медведь... Никаких манер... Ну, теперь ему покажут! Ах, какие прелестные у тебя кружева, милая! Где ты их заказывала?

ИДАЛИЯ. Представь себе, в гостинном дворе. Совершенно неожиданно подошлись!..

ДАМА. Какой пассаж? В гостинном дворе?

ИДАЛИЯ. Да. Не случайно же Пушкин сочинял для гостинно-дворцов! Им, я слышала, его стихи нравятся. А ты, Мими, Пушкина ненавидела...

ДАМА. Идалия! Как можно так... о покойном!

ИДАЛИЯ. Ты, Мими, ненавидела Пушкина за то, что он был не такой, как все прочие. Он как незаконный сын в узаконенном свете. В этом Линева совершенно прав.

ДАМА. Ты сегодня невозможна, Идалия! Какой Линева? Ах, этот...

ИДАЛИЯ. Он сказал нам то, что мы сами боялись себе сказать.

ДАМА. Можно подумать, что ты любила Пушкина!

ИДАЛИЯ. О, я тоже его ненавидела! И ненавижу. Если я доживу до тех времен, когда в России поставят памятник Пушкину, я первая плюну на него!

ДАМА. А хочешь, я объясню, почему?

ИДАЛИЯ. Сделай милость.

ДАМА. Обо всем этом известно, милочка. Ты в юности была безответно влюблена в Пушкина. И попросила у него стихов в свой альбом. Он написал мадригал, и ты была счастлива! А потом обратила внимание: под стихами дата - 1 апреля. То есть шутка. Пушкин подшутил над тобою. Он мог подшутить над кем угодно. Он никого в грош не ставил. А ты гордячка, милочка. И от любви до ненависти у тебя один шаг... Только не говори, что я неправа!

ИДАЛИЯ /задумчиво/. А где ты заказывала кружева, Мими?

ДАМА /удивленно/. У мадам Тюрьеель.

ИДАЛИЯ. У мадам Тюрьеель нет своих кружевниц. Она тоже приобретает кружева в Гостином дворе. Вот так-то, душа моя Мими... А насчет Пушкина - ты неправа. Все это было - но такая причина ненависти слишком вульгарна для меня. Я ненавижу Пушкина за другое. Кому, скажи на милость, отдал он свой талант? Кто идет к его гробу? Толпа, плебс, гостинодворская чернь! А ведь Пушкин мог бы быть посреди избранных, среди нас... Мы - голубая кровь России, ее ум, ее красота. Пусть во все времена завидуют нам: мы живем в роскоши, нам принадлежит все, мы - прекрасны. Пушкину тоже было многое

дано, он мог стать изысканнейшим, утонченным, аристократическим поэтом. А он унизил свою музу, отдав ее на потеху толпе. Когда искусство для всех, для толпы – это не искусство. Пушкин совершил опасный шаг и не знаю, куда он еще приведет... Тебе этого не понять, Мими! И не заказывай себе больше черных кружев. Тебе идут только белые!..

ДАМА /в слезах/. Идалия, ну почему ты меня ненавидишь?

ИДАЛИЯ. Тебя, Мими? Что ты, милая? Ведь ты – не Пушкин...

ДАМА /переходя в наступление/. А я поняла. Ты ненавидишь меня потому, что ревнуешь. Будь же откровенна до конца. Ты ревнуешь меня к Жоржу... да, к Дантесу! Ты завидуешь моему роману!

ИДАЛИЯ. Твоему роману? Ма шер, ты ошибаешься! Это не роман. То, что он провел однажды с тобою ночь... Мими, это просто мужское любопытство. Мужчины, как дети, такие сластолюбцы, Мими!

ДАМА. Ты и теперь влюблена в Дантеса! Этот господин, которого ты выставила, сознался мне во всем. Ты писала Дантесу письма, узнав, что он арестован!..

ИДАЛИЯ. Ах, вон оно что... Мими, чтобы не затруднять тебя более общением с людьми столь низкого уровня, как выставленный мною господин, чтобы не узнавать содержание моих писем через Третье отделение, я сама их прочту тебе... Хочешь?

ДАМА /она шокирована/. Ну, зачем же?

ИДАЛИЯ. А ведь мне это ничего не стоит. Я своих мыслей и чувств не скрываю – мне это незачем /открывает шкатулку, достает черновики писем/. Вот последнее, я его сегодня не отправила. Сегодня я узнала, что Жоржа не отдадут в солдаты:

его скоро выпустят, отправят во Францию. А вот что я пишу ему / разворачивает письмо/: "Я сержусь на вас, друг мой, за то, что думаете, будто стоит вам уехать, и я забуду о вашем существовании, это доказывает, что вы меня плохо знаете, потому что если я уж люблю, то люблю крепко и навсегда..."

ДАМА. Идалия, ты ведь сама признаешься в своей любви!

ИДАЛИЯ. Мими, ты не волнуйся, милая, я тебе не соперница. Ты и еще половина наших дам влюблены в Жоржа Дантеса из-за его исключительной красоты. Как Натали Пушкина – первая красавица среди женщин, так Жорж Дантес – первый красавец среди мужчин. Но я не могу уподобляться многим, я не соперничаю с вами, Мими... Я люблю Жоржа Дантеса не так... Я люблю его как брата, как друга по духу. Это я вдохновила его на дуэль. Как же иначе? Аристократ должен отвечать за оскорбление выстрелом или ударом шпаги. На том и стоим... Дантес защищал не только свою честь, но честь нашей аристократии – пусть никому и никогда не будет дозволено посягнуть на нее...

ДАМА. На Жоржа сегодня столько наговорено...

ИДАЛИЯ. Дантес сегодня оклеветан... Его называют ничтожеством... А он – человек чести, он – человек твердых правых взглядов, и он еще займет достойное место в обществе. Жаль, не у нас, не в России. России нужны Дантесы. Да, России нужны Дантесы... Но боюсь, когда в России это поймут, будет слишком поздно. Однако, что это мы с тобой заболтались, Мими?

ДАМА. О, Идалия, как ты много себе позволяешь.

ИДАЛИЯ. Я... много... Что ты, Мими! Я позволяю себе

все.

Картина седьмая

Комната в Третьем отделении. На скамье два жандарма с обнаженными саблями, между ними САЗОНОВ. Входят ДУБЕЛЬТ и ЖУКОВСКИЙ.

ЖУКОВСКИЙ. Я возмущен, генерал... Никогда не бывал в вашем учреждении. Но проезжал попутно, не выдержал, заехал... Арест Линева — произвол, генерал... За ним нет никакой вины... /Оторопело смотрит на Сазонова./

ДУБЕЛЬТ. Успокойтесь, Василий Андреевич, прошу вас... К Линеvu у нас серьезные претензии... Но я сейчас тем не менее отдам распоряжение — Линева немедленно освободят.

ЖУКОВСКИЙ. Я могу уйти со спокойной совестью, генерал?

ДУБЕЛЬТ. Моя честь вам порукой. Но... не спешите, Василий Андреевич, на несколько минут задержитесь, если можно... Вот тот человек, о котором я вам говорил... Я повелел доставить его с чухонской каторги.

ЖУКОВСКИЙ. Да не знаю, право...

ДУБЕЛЬТ. Присядьте, Василий Андреевич, присядьте...

/Жуковский нерешительно садится./

Вы можете идти. /Это жандармам./ Идите, идите. Убивцев я не боюсь... /Сазонову./ Так вот ты каков, мил человек. Ну-ну. Ты — Сазонов?

САЗОНОВ. Так точно-с.

ДУБЕЛЬТ. А вот, Василий Андреевич, его дело. /Читает./ Сазонов Егор Васильевич. 59 лет от роду. Из мещан. Убивец. Сужден двадцать два года назад за убийство девяти человек.

Был служителем — обратите внимание, Василий Андреевич, — в Лицее, в Царском селе. Убивал во время отлучек. Приговорен к каторге пожизненно. Поведения ныне примерного. /Сазонову./ Все правильно, Егор Сазонов?

САЗОНОВ. Так точно, вашество... И чего это меня такую даль вести?

ДУБЕЛЬТ. Узнаешь зачем. А сперва скажи, как живешь, Егор Сазонов?

САЗОНОВ. Слава богу, вашество. Помаленьку. Тихо живу, слава богу. Всем доволен... Токо вот харчи плохи... Воруют, небось... Вы б проследили, вашество...

ДУБЕЛЬТ. А как же ты... девять-то душ?

САЗОНОВ. Так я уж давно покаялся.

ДУБЕЛЬТ. И все ж... Расскажи, вспомни.

САЗОНОВ. Чего тут и вспоминать, вашество... Служил. В Лицее, значит, при больнице. Мальчишки вокруг. Денег мало. Пошел да и убил...

ДУБЕЛЬТ. Из-за денег?

САЗОНОВ. Да как оно сказать. Из-за денег, да и... Скушно стало.

ДУБЕЛЬТ. Как это — скушно?

САЗОНОВ. А вот живешь и живешь, все обрыдло... Пойдешь и... И на душе отходит. Деньги, конечно, возьмешь, чтоб не зря убивать...

ДУБЕЛЬТ. Кого ж ты убивал?

САЗОНОВ. А этих... извозчика, бутешника... Одинова чухонца убил и крынку молока отнял... Что вы, вашество, так на меня глядите? Я же говорю, покаялся.

ДУБЕЛЬТ. А на лицейстов не покушался? Вспомни-ка, знавал ты такого - Пушкина? Вспомни - кучерявый, егоза...

САЗОНОВ. Пушкина? Знавал... Хорошо помню. Это точно, такой черный, кучерявый, егоза. С им в лазарете лежали, спали в одной комнате. Он меня примечал, звал к себе. Я ему сказки рассказывал, он - стихи мне какие-то непонятные...

ДУБЕЛЬТ. А на Пушкина-то ты не покушался?

САЗОНОВ. Был грешок... Спит, смотрю, рядком, сладко так спит. Он, человек-то, во сне душу легко отдает... Хотел убить, да... Денег-то у него не было. Пусть бы четвертак какой, как ровно у извозчика того...

ДУБЕЛЬТ. Так были бы деньги - убил?

САЗОНОВ. А кто его знает? Мог и убить. Я ведь не загадывал.

ДУБЕЛЬТ. Вот слышите, Василий Андреевич... Нет, смерть Пушкина не случайна. Гении влекут к себе убийц. Пушкин с юности ходил по краю пропасти. Слышите - "он меня примечал, звал к себе". Значит, тянуло. А потом у Пушкина было шесть дуэлей. Он мог погибнуть уже множество раз, он играл со смертью.

"Все, все, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья".

Добром бы это не кончилось... Рано иль поздно... Если б не Дантес, так кто-то другой... Вот перед вами - первый возможный убийца Пушкина.

САЗОНОВ. Да не убивал я Пушкина, вашеество, вот те крест.

ДУБЕЛЬТ. Молчи, дурак! /Жуковскому./ Что же вы,

Василий Андреевич, после всего этого по-прежнему будете утверждать: ах, как добры люди?

ЖУКОВСКИЙ. Буду утверждать, Леонтий Васильевич... Нельзя же говорить о всех, судя по одному...

ДУБЕЛЬТ. Договаривайте, Василий Андреевич — по одному уроду.

САЗОНОВ. А разве я урод какой, вашество? Единому богу молимся. Вот крест на мне православный.

ДУБЕЛЬТ. Так ведь не по-христиански-то — убивать. А?

САЗОНОВ. Время нынче такое, вашество, можно и убивать, можно и не убивать. Бог-то, он нынче на небе сам по себе. А людишки-то на земле тоже сами по себе... Никакой нынче основательности нету — можно и так, и эдак... Я, может, сегодня за четвертак убью. А завтра этот самый четвертак последнему нищему отдам...

ДУБЕЛЬТ. А ты, мил-человек, выходит, философ. А ведь, поди, неграмотен.

САЗОНОВ. Не разумею.

ДУБЕЛЬТ. Так, так... нету основательности... Мол, и убью, и нищему последний четвертак отдам, и мол, можно и так, и эдак — значит, до всего своим умом дошел?

САЗОНОВ. Так точно, сам догадался.

ДУБЕЛЬТ. Вот видите, Василий Андреевич. Сей мил-человек, сей убивец Егор Сазонов, неграмотен, но высказал вам, сам того не подозревая, модную нынче и во многом, я считаю, справедливую философскую теорию об относительности добра и зла.

ЖУКОВСКИЙ. Я чувствую, мы еще не приступили с вами к

совместному делу, а наш незримый спор уже начался.

ДУБЕЛЬТ. Да, и я это чувствую... И я нарочно поставил себя в невыгодную позицию, взяв эту крайность - Сазонова... Но даже он знает то, что вы - уввы! - не знаете, Василий Андреевич. Простите, конечно.

ЖУКОВСКИЙ. Что ж, Леонтий Васильевич, у нас будет возможность выявить наши точки зрения.

ДУБЕЛЬТ. И разбор бумаг Пушкина многое покажет...

ЖУКОВСКИЙ. Разрешите откланяться. /Уходит./

ДУБЕЛЬТ. А хорош ты, Егор Сазонов... нечего сказать, хорош...

/Внезапно распахивается дверь, вбегает ГОСПОДИН в партикулярном платье, он вырвался из рук жандармов, жандармы видны в открытой двери; увидев Дубельта, они не решаются войти./

ГОСПОДИН /валится в ноги Дубельту/. Ваше превосходительство! Леонтий Васильевич! Отец родной! Помилуйте! За что же меня в крепость?!

ДУБЕЛЬТ. Болван! С тобой одни беды - у Идалии оскандалился. Пакеты упустил...

ГОСПОДИН. Так ведь я не за это... Нельзя ж за такое - в крепость.

ДУБЕЛЬТ. Пойми, я тут ни при чем.

ГОСПОДИН. Отец родной, заступитесь!

ДУБЕЛЬТ. Сам виноват... Куда ты полез?

ГОСПОДИН. Ваше превосходительство, вы же учили - иди, мол, выше, не смущайся.

ДУБЕЛЬТ. Жаль мне тебя... Эх ты! Куда ты полез? Это ж императрица... Что я теперь могу...

ГОСПОДИН. Ваше превосходительство, виноват... Слишком много узнал. Но буду нем, аки мертвый. Выручите! Христа ради! Крепость-то ведь хуже каторги...

ДУБЕЛЬТ. Я похлопочу... /Жандармам./ Исполняйте приказ графа. Уведите его.

ГОСПОДИН. Леонтий Васильевич! Я человек маленький. И какой от меня вред?! Вы сами говорили: я - никто! Поймите, я - Никто, ваше превосходительство! Я - Никто!

/Его уводят./

САЗОНОВ. Эки дела. Злодейства-то сколько... А выходит, Пушкина-то все ж убили... А я вот не убивал.

Картина восьмая

3 февраля, утро. У Карамзиных. СОФИ, ЖУКОВСКИЙ, ЛИНЕВ.
В руках у Жуковского портрет Пушкина.^{х/}

СОФИ. Что-нибудь случилось, господа? У меня такое впечатление, такое предчувствие - сейчас что-то произойдет...

ЖУКОВСКИЙ. Нет, нет, Софи... Ничего не случилось...

СОФИ. У нас никого нет... Дом пуст, все ушли к заутрене...

ЖУКОВСКИЙ. А мы попали так рано к вам попутно, шли из дома Ивана Логиновича. Иван Логинович мне сделал бесценный подарок - подарил собственной кисти портрет Пушкина. Ведь

х/ Известный ныне портрет работы И.Линева хранится в музей-квартире Пушкина /Ленинград, Мойка, 12/.

Иван Логинович живописец.

ЛИНЕВ. Любитель...

ЖУКОВСКИЙ. Не скромничайте... Софи, взгляните на портрет... Я когда-то просил Пушкина позировать Ивану Логиновичу. И вот получается - это последний прижизненный портрет нашего великого поэта. Я безмерно тронут подарком Ивана Логиновича.

СОФИ. Удивительный портрет... Какое живое, уставшее и значительное лицо...

ЛИНЕВ. Я очень хочу быть сегодня на последней панихиде...

ЖУКОВСКИЙ. Да, сегодня, 3 февраля - расстанный день... Прощаемся с Пушкиным. Вечером - последняя панихида. Сразу после нее, прямо ночью гроб с телом увозят в Святогорский монастырь.

СОФИ. Какой ужас...

ЛИНЕВ. Извините... я вас оставляю... у меня разные обстоятельства.

СОФИ. До свидания, Иван Логинович. Буду всегда рада вас видеть.

/ЛИНЕВ уходит./

ЖУКОВСКИЙ. У Ивана Логиновича, к сожалению, неприятности... А портрет пока поставим вот сюда. /Ставит портрет на столик рядом с кушеткой./

СОФИ. Василий Андреевич!

ЖУКОВСКИЙ. Да.

СОФИ. Василий Андреевич!

ЖУКОВСКИЙ. Софи!

/Все это произносится со значимостью и волнением./

СОФИ. Тогда... у Пушкиных... я оборвала вас... То есть относительно нашей неудавшейся помолвки.

ЖУКОВСКИЙ. Я понимаю...

СОФИ. Василий Андреевич, я хочу сказать - именно я была виновницей размолвки...

ЖУКОВСКИЙ. Что вы, что вы...

СОФИ. Я сожалею о нашей размолвке...

ЖУКОВСКИЙ. Софи, вы возвращаете мне надежду /берет ее за руки./.

СОФИ. Я сама не знаю, что со мной происходит.

ЖУКОВСКИЙ. Софи, мои чувства к вам... мои чувства к тебе неизменны...

СОФИ. Кто-то идет... Я слышу шаги... Да, это он.
/Заглядывает в дверь./ Заходите, Леонтий Васильевич...

/Входит ДУБЕЛЬТ./

ДУБЕЛЬТ. Василий Андреевич, не ожидал...

ЖУКОВСКИЙ. Признаться, я тоже...

ДУБЕЛЬТ. У меня разговор к Софье Николаевне. Может, я не уместен? Может, потом, Софья Николаевна?

/Молчание./

ЖУКОВСКИЙ. Может, мне уйти?

СОФИ. Ну, зачем же так? Зачем?

ЖУКОВСКИЙ. Извините, я пойду... Мне ведь лучше уйти, Софья Николаевна?..

СОФИ. Василий Андреевич... что вы...

ЖУКОВСКИЙ. До свидания... До свидания, Леонтий Васильевич... /Напряженно, ожидая реакции, смотрит на Софи, она молчит./ До свидания, Софья Николаевна. /Уходит./

СОФИ. О, боже мой, что я делаю... Он ушел. Он даже

портрет забыл. Конечно, он расстроен. Это ты должен был уйти.

ДУБЕЛЬТ. Я в таких случаях никогда не ухожу.

СОФИ. Но как ты... как мы можем?

ДУБЕЛЬТ. Софи, отбрось условности. Все наши морали - чистая условность. Будь современна. Будь свободна, Софи...

СОФИ. Но есть бог.

ДУБЕЛЬТ. Какое дело богу до наших с тобой отношений. Смешно.

СОФИ. Это не смешно.

ДУБЕЛЬТ. Я думал, ты одна. И был неприятно удивлен, что он здесь. Я шел по улице и вдруг почувствовал - больше не могу. Ни часа, ни минуты. Я пришел за решительным объяснением. Более не могу.

СОФИ. О, ты мой искус... Я заметалась... А мне надо бежать от тебя... Спастись от тебя... Не подходи ко мне, слышишь, не смей... Я подала надежду Жуковскому... Но наши предчувствия с тобой совпали. То же переживала и я.

ДУБЕЛЬТ. Я не отдам тебя Жуковскому.

СОФИ. Ты - искус... А он благороден. Он добр. Но в нем нет искусства... Я устала. Не подходи ко мне, слышишь!

ДУБЕЛЬТ. Я слишком долго ждал. Двенадцать лет.

СОФИ. Тебе было легко ждать. Жена. Дети...

ДУБЕЛЬТ. Жена и дети - это уже показатели старости. Да разве это мешает моей страсти к тебе? Ты - как воспоминание о том, что никогда не воротится. Знаешь, как я часто вспоминал тебя?

СОФИ. Не знаю.

ДУБЕЛЬТ. Нашу первую встречу. Ты помнишь?

СОФИ. Не помню.

ДУБЕЛЬТ. Ты помнишь! Я все это время живо представлял тебя: на балу, в легком кринолине, с открытыми мраморными плечами. Я ни у кого больше не видел таких плеч. Я пригласил тебя на котильон: был уже разгар бала... У кого это был бал? У Загряжских?

СОФИ. У Строгановых.

ДУБЕЛЬТ. Ты помнишь! А потом мы встретились случайно, в модном магазине. Это тебе казалось, что случайно, а я следил за тобой...

СОФИ. Я тогда покупала арабскую шаль, но так и не купила... Но зачем вспоминать?

ДУБЕЛЬТ. Уже не могу без воспоминаний. Мне без них тяжело. Женитьба моя была ошибкой: мы с женой разные люди. Однако я не свободен и уйти не могу...

СОФИ. И не нужно уходить... Я уже почти забыла тебя. Я пыталась убеждать себя: ты жандарм, ты изменник. Я почти убедила себя в этом.

ДУБЕЛЬТ. Представляю, как ты ненавидела меня!

СОФИ. А я устала тебя ненавидеть. Я не могу быть более ничьей. Я знала, что ты рано или поздно придешь ко мне. Я чувствовала...

/Дубельт порывисто обнимает Софи./

ДУБЕЛЬТ. Ты моя! Господи, я верил... /Целует ее./

СОФИ. Я... я тоже тебя люблю...

/Неожиданно и с шумом падает портрет Пушкина, это Софи нечаянно задела его./

Ах! Портрет!

ДУБЕЛЬТ. Что, милая, что? Пустое!..

СОФИ /вырвавшись/. Портрет... Пушкин... Сегодня же последняя панихида... Сегодня увозят гроб Пушкина... Господи, я ужасна... Не прикасайтесь ко мне более... Не смейте!

ДУБЕЛЬТ /в крайнем раздражении/. Опять Пушкин! Он и после смерти мешает мне!

СОФИ. Что вы говорите, Леонтий Васильевич?

ДУБЕЛЬТ. Если признаться... если бы не я, Пушкин бы сейчас был жив. Запомни это.

/Невыразимо печальные и возвышенные звуки и слова панихиды о Пушкине.../

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина девятая

25 февраля 1837 года. Квартира Жуковского в Зимнем дворце. В углу кабинета – опечатанные ящики с рукописями Пушкина. На стене – два портрета: Пушкина и Машеньки Протасовой. ДУБЕЛЬТ и ЖУКОВСКИЙ.

ДУБЕЛЬТ. Третью неделю разбираем мы эти несчастные бумаги. Ну вот и конец...

ЖУКОВСКИЙ. Это драгоценные бумаги, генерал.

ДУБЕЛЬТ. Не спору, не спору... Но все же смею заметить, Василий Андреевич, вы не придерживаетесь того строгого указания, данного нам государем – предавать огню все предосудительное в бумагах, что может бросить тень для потомства на память великого поэта.

ЖУКОВСКИЙ. Мы с вами смотрим на многое, Леонтий Васильевич, в том числе и на предосудительное, слишком по-разному.

ДУБЕЛЬТ. А мне стало казаться, мы при разборе пушкинских бумаг как-то сблизились, даже в чем-то стали схожи.

ЖУКОВСКИЙ. Если мы с вами и схожи, то только, так сказать, по романтическому происхождению. Моя мать – турчанка, ваша – испанка. Но на этом все сходство кончается. Моя мать – пленница турецкой войны, из самого простого звания. Сам я – незаконный сын. Ваша мать – дочь испанского короля. Отец ваш, русский генерал, будучи в Мадриде, как известно, похитил испанскую принцессу, увез ее в Россию. В результате сей романтической истории вы и появились на свет. Что-то в вас сходное есть с Италией Полетика. Она, вероятно, ваша помощница?

ДУБЕЛЬТ. О, как вы издалека ведете! А все-таки, Василий Андреевич, что же вы вынесли в тех пяти пакетах?

ЖУКОВСКИЙ. /отрываясь от бумаг/. В каких пакетах?

ДУБЕЛЬТ. Полноте! В тех, которые пропали неизвестно куда!

ЖУКОВСКИЙ. Я уже имел честь докладывать графу Бенкендорфу, в тех пакетах — переписка Пушкина с женою. Чтобы не подавать повода к раскрытию личных тайн, я передал эти письма Наталье Николаевне. Можете справиться у нее.

ДУБЕЛЬТ. Ну зачем же спрашивать. Я вам верю абсолютно.

/Пауза. Идет разбор бумаг./

ЖУКОВСКИЙ. Вот прелестное стихотворение!

"Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа..."

Это его пророчество. Прочтите!

ДУБЕЛЬТ /читает/. Подражание Горацию. Есть подобное и у Державина... Однако смело. Так говорить о себе...

ЖУКОВСКИЙ. Он имел право так говорить.

ДУБЕЛЬТ. Но ведь журнальная критика последних лет почти единодушно утверждала — Пушкин исписался и перестал быть первым. И серьезная критика. Сам Белинский уверял: пушкинский период завершился. И Надеждин, и Полевой, и московские шеллингианцы тоже каждый по-своему поругивали его — мол, мыслит неглубоко. И я с ними в чем-то согласен. Чего-то Пушкину не хватало. Это сейчас многие закричали: солнце русской поэзии закатилось. А ведь в современной литературе последних лет Пушкин был одинок. Как же все это объяснить, Василий Андреевич? Ведь это солидная критика — не чета Булгарину — и вероятно, в чем-то права.

ЖУКОВСКИЙ. Мы все были не правы. И Белинский... И Надеждин, который, помнится, писал: "Пушкин - не мастер мыслить". И Полевой, который утверждал, мол, "Онегин" есть лишь собрание бессвязных заметок о том, о сем... И я тоже... Да, даже ближайшие друзья Пушкина не понимали его... Мы все не доросли до гения. Он далеко опередил нас... И был совсем не понимаем в нашей словесности в последнее время - вы верно сумели это подметить. Теперь-то я понимаю, как одинок был Пушкин. Смерть все прояснила. И разбор этих бумаг меня во многом прояснил. Вот его ненапечатанные стихотворения: "Осень", "Художнику", "Мирская власть", "Из Пиндемонти", "Отцы пустынноики", "Когда за городом, задумчив, я брожу", "Памятник". Это ж шедевры! Какая глубина в них... Послушайте /читает несколько отрывков/. Каково? А ведь смерть произошла с ним у его поворотной черты, когда созревание в нем еще совершалось. Но все равно созданное и найденное нами в его бумагах - бессмертно. И без этих стихов - последних его - невозможно знать Пушкина.

ДУБЕЛЬТ. Но, Василий Андреевич, как же вы сможете напечатать, например, подобное:

"И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал".

Какая же цензура пропустит это?

ЖУКОВСКИЙ. Это стихотворение необходимо напечатать!

ДУБЕЛЬТ. Тогда вам придется его изменять, убирать "жестокий век" и "свободу"... А сам Пушкин именно потому и не тиснул его в журнале, что не хотел ничего изменять. Верно, это будет, Василий Андреевич?

ЖУКОВСКИЙ. Не знаю...

ДУБЕЛЬТ. Уж эти мне поэты!.. А вот вам еще вопрос, коим я занялся серьезно: почему убит Пушкин?

ЖУКОВСКИЙ. Хотите правду? Это был заговор высшего света против него.

ДУБЕЛЬТ. Василий Андреевич, вы все упрощаете в своем объяснении... Но в известном смысле можно сказать - заговор был... И ведь в этом заговоре против Пушкина состояли и вы, Василий Андреевич.

ЖУКОВСКИЙ. Я? Вы неудачно шутите, Леонтий Васильевич.

ДУБЕЛЬТ. Какие уж шутки... Хотите, я вам докажу...

ЖУКОВСКИЙ. Сделайте милость... Но у вас подобное не получится. Я могу не знать многих обстоятельств, но себя-то, извините, я знаю...

ДУБЕЛЬТ. А знаете ли? Тогда позвольте вам напомнить бывший в прошлом году званый вечер у Идалии Полетика.

Картина десятая

В доме у Идалии Полетика. ИДАЛИЯ и ДАМА.

ДАМА. Мне так кажется: он не придет.

ИДАЛИЯ. Уверена: он явится. В записке я написала, что речь пойдет о благом деле. А Жуковский мастер на благие дела... И тебе, кажется, лучше уйти, Мими!

/Шум в передней./

Кажется, он приехал.

ДАМА. Я буду в соседней комнате. Там все слышно! /Уходит./

/Входит ЖУКОВСКИЙ./

ЖУКОВСКИЙ. Добрый вечер, Идалия Григорьевна.

ИДАЛИЯ. Ах, милый Василий! Андреевич, я вам так рада!

Вы совсем перестали у нас бывать!

ЖУКОВСКИЙ. Но, право...

ИДАЛИЯ. Я недавно прочла последние ваши стихотворения. Они прекрасны! Мы все были в восторге. И та счастливица, которая вдохновила вас на эти стихи, — конечно же, Софи Карамзина!

ЖУКОВСКИЙ /сухо/. Вы об этом хотели говорить со мною, Идалия Григорьевна?

ИДАЛИЯ. Ну что вы, что вы... И куда девалась ваша прежняя веселость и остроумие? Ваши знаменитые каламбуры — где они? На вашем лице постоянная печать мрачности.

ЖУКОВСКИЙ. И обстоятельства мрачны...

ИДАЛИЯ. И вы не останетесь на вечер?

ЖУКОВСКИЙ. Я нарочно приехал раньше. Мне сейчас, право, не до танцев и собраний.

ИДАЛИЯ. И все печали о Пушкине!

ЖУКОВСКИЙ. И об нем тоже.

ИДАЛИЯ. А я хотела говорить с вами как раз о Пушкине!

ЖУКОВСКИЙ. Но, Идалия Григорьевна, я слышал, что...

ИДАЛИЯ. Вам говорили, будто я настроена против Пушкина?

ЖУКОВСКИЙ. Признаться, да...

ИДАЛИЯ. Василий Андреевич, ведь мы с его женой — престальной Натали — троюродные сестры. Могут ли я желать зла родственному семейству?

ЖУКОВСКИЙ. Да, это верно...

ИДАЛИЯ. К тому ж, Василий Андреевич, к великому поэту можно иметь два разных отношения. Конечно, можно всем слепо восхищаться и кричать, что Пушкин во всем прав, ибо он — гений... Но можно и горестно переживать его сомнительные поступки и с болью говорить об них, ибо они не только гения не украшают, но и бросают на потеху черни тень на него... Я лично придерживаюсь второго взгляда.

ЖУКОВСКИЙ. Может быть, вы правы...

ИДАЛИЯ. Ах, Пушкин такой арап: он совершенно измучил Натали своею подозрительностью. А Дантес ни в чем не виновен.

ЖУКОВСКИЙ. Я упросил государя вызвать Пушкина на аудиенцию, дабы предотвратить скандал. Пушкин дал слово, что драться на дуэли не будет...

ИДАЛИЯ /с жаром/. Допустить до дуэли невозможно! Представьте такой кошмар: Пушкин убивает на дуэли Дантеса. О, это очень вероятно, Пушкин, я слышала, искусный стрелок. И что произойдет? Кровь падет на первого поэта России. Кровь — на все грядущие времена. Я напомню вам пьесу Пушкина "Моцарт и Сальери"?

ЖУКОВСКИЙ. Вы хотите сказать, что Пушкин — Сальери?

ИДАЛИЯ. О нет, Пушкин, скорее Моцарт... Но тем страшнее, если Моцарт станет убийцей! Как он, как мы, как вы — будете выглядеть пред потомками?

ЖУКОВСКИЙ. Потомки сами разберутся обо всех нас. Мне важнее, чтобы Пушкин был жив — сейчас жив. И тут как раз речь о Дантесе. Если... Если Дантес сейчас, после свадьбы, поведет себя соответственно и благонамеренно, то все потихоньку обойдется...

ИДАЛИЯ. Я ручаюсь за Дантеса! Я берусь поговорить с ним. Уверю вас, уверю всем сердцем: это благороднейший человек.

ЖУКОВСКИЙ. Пусть будет по-вашему.

ИДАЛИЯ. И мне же остается побеседовать с Натали...

ЖУКОВСКИЙ. Нынче вышла тяжелая история. Наталия Николаевна приглашена на бал в Аничков дворец, а Пушкин — не приглашен. Она отказывается ехать...

ИДАЛИЯ. А кто послал приглашение?

ЖУКОВСКИЙ. Императрица...

ИДАЛИЯ. Если Натали не поедет — будет скандал...

ЖУКОВСКИЙ. Да-да... Я уже писал к ней...

ИДАЛИЯ. Я уговорю ее. А вы уговорите его... С императрицей не шутят: вы понимаете...

ЖУКОВСКИЙ. Я поговорю с ним. Я его уговорю.

ИДАЛИЯ. Какой вы добрый, Василий Андреевич! Вы очень добрый человек. О, если бы все были такими добрыми, как вы!

ЖУКОВСКИЙ. Я, пожалуй, пойду... Мне пора. Ведь я только на минуту.

ИДАЛИЯ /смеется/. Василий Андреевич, а вам не кажется, что мы только что составили тайный заговор?

ЖУКОВСКИЙ. Заговор?

ИДАЛИЯ. Заговор с благородной целью: спасти Пушкина. Обещайте в этом смысле быть с нами заодно.

ЖУКОВСКИЙ. Как угодно: заговор так заговор. Я пойду... Прощайте, Идалия Григорьевна. Обещаю быть с вами заодно.

/Уходит./

ДАМА /выходя из-за двери/. Ловко ты его.

ИДАЛИЯ. Помолчи, Мими!

ДАМА. Глава поэтов, тайный советник... А глуп, как

Панталоне. И все от доброты... Есть над чем посмеяться!..

Картина одиннадцатая

Квартира Жуковского. ДУБЕЛЬТ и ЖУКОВСКИЙ.

ДУБЕЛЬТ. Вы поймите: вы доверились злейшим врагам Пушкина. Идалия, Дантес, и прочие... Своим поведением вы только все усложнили. Вы хоть сейчас поняли, что вы тогда сделали?

ЖУКОВСКИЙ. Я слишком поздно это понял. Я не привык дурно думать о людях.

ДУБЕЛЬТ. А о людях вообще не следует думать. Людей надобно опасаться.

ЖУКОВСКИЙ. Отчего ж непременно опасаться?

ДУБЕЛЬТ. И особенно таких людей, каков вы, Василий Андреевич.

ЖУКОВСКИЙ. Мы говорим начистоту и наедине, но...

ДУБЕЛЬТ /перебивая/. Полноте, Жуковский. Быть может, я единственный ваш настоящий друг и есть. Ведь вы у Пушкина были самый бескорыстный и самый преданный друг. Никого бескорыстнее и не было. А кого он более всех обидел? Вас... Он скрыл от вас и второе анонимное письмо, и вызов на дуэль Геккерну. Он доверился Данзасу, этому армейскому рубаке, особенно не рассуждающему. И не доверился вам. Как вы думаете, почему?

/Пауза. Жуковский молчит./

Вот то-то. Потому что вы своими хлопотами и вмешательствами настолько запутали его положение, что дуэль стала неизбежна.

Выхода не было. Гордиев узел нельзя было уже распутать, его надобно было рубить. Пушкин очень умел чувствовать людей.

ЖУКОВСКИЙ. Я не желаю слушать ваши софизмы.

ДУБЕЛЬТ. Это не мои софизмы. Это ваше ложное положение доброносца и добротворца! И все это — ваши воззрения!

ЖУКОВСКИЙ. Я, видимо, кажусь вам неудачливым Дон-Кишотом, коего в молодости когда-то переводил.

ДУБЕЛЬТ. Ваш перевод "Дон-Кишота" был когда-то моей любимой книгой. Вместе с Евангелием. А вы знаете: Дон-Кишот похож на евангельского Иуду, разница только в том, что его нельзя винить в неблагородстве. Но то, что он делает из самых добрых побуждений, — то же самое Иуда делает за тридцать сребреников. Вас не купишь ни тридцатью сребрениками, ни тридцатью тысячами. Но ваша ложная доброта — ничего, кроме вреда, не приносит.

/Входит ЛИНЕВ./

А вот и ваш агент, Василий Андреевич. Так сказать, агент добра... Также обанкротившийся.

ЛИНЕВ. Простите, я некстати. И здесь совершенно случайно.

ДУБЕЛЬТ. Очень кстати, Иван Логинович. Вы, видно, просто не рассчитали время. И полноте играть со мною. Я знаю, зачем вы здесь. Но ведь вам... позвольте, позвольте... предписано оставить столицу и сидеть в своей устюженской деревне безвылазно.

ЛИНЕВ. Через час я уезжаю, ваше превосходительство.

ДУБЕЛЬТ. Скатертью дорога. И сейчас вы, наверное, кое-что принесли Василию Андреевичу? Кое-какие пакеты. Не так ли? Ну те самые, пять пакетов... Что ж, не смущайтесь, выкладывайте.

ЖУКОВСКИЙ. Давайте пакеты, Иван Логинович. Не будем отпираться.

ЛИНЕВ. Пожалуйста, Василий Андреевич. /Достает из дорожной сумки пакеты./

ЖУКОВСКИЙ. Сердечное спасибо, Иван Логинович. Присядьте...

ЛИНЕВ. Присяду... Пакеты, Василий Андреевич...

ДУБЕЛЬТ. О том не извольте беспокоиться...

ЖУКОВСКИЙ. А я, видите, ваш пушкинский портрет повесил. От Карамзиных прислали...

ЛИНЕВ. Безмерно доволен, я, что портрет оказался в ваших руках, Василий Андреевич...

ДУБЕЛЬТ. Ох, уж этот портрет... Весьма навязчив.

/Линев демонстративно не обращает на Дубельта ни малейшего внимания и ведет себя так, будто его нет в комнате. Это принимает и Жуковский./

ЛИНЕВ. А второй портрет, как догадываюсь, Машеньки Протасовой.

ЖУКОВСКИЙ. Да, это она...

ЛИНЕВ. Ваша любовь, Василий Андреевич, к Машеньке Протасовой трагична, но прекрасна...

ЖУКОВСКИЙ. Отныне и навсегда два самых близких для меня человека рядом – Машенька и Пушкин.

ЛИНЕВ. Помню, Пушкин во время сеанса выглядел невыразимо печальным, черные круги под глазами, что-то нездешнее во взгляде. Оно и понятно: ему устроили травлю.

ДУБЕЛЬТ. Может, сударь, вы изволите знать, кто эту травлю устроил? Может, откроете нам истину?

ЛИНЕВ. Да, Василий Андреевич, это была хитроумная травля.

Трагедия близилась. И у меня будто предчувствие было - надо успеть. И я в тот сеанс сделал многое, нашло, знаете ли...

ДУБЕЛЬТ. А вы, сударь, словоохотливы, и в дорогу, как я вижу, не спешите.

ЛИНЕВ. Ах, Василий Андреевич, до чего ж с вами жаль расставаться. Вы на меня так повлияли! Кем я был ранее? Уездный медведь, пень устюженский. Крепкий хозяин - деньгу копил. Женился по расчету. В карты играл недурно. Дворовых девок портил. Но было у меня всегда в душе глубокое недовольство собой... И тут с вами знакомство. И произвели вы на меня впечатление огромное - и необычайностью натуры, и поэзией своей. И потянуло меня к прекрасному... Перепоручил я хозяйство расторопному приказчику, карты и девок оставил... Обратился к книгам, искусствам. А после и сам рисовать пристрастился... Потом знакомство с Александром Сергеевичем. Это - все как перелом всего образа жизни моего.

ДУБЕЛЬТ. Не к лучшему, смею заметить, для вас перелом, сударь... Как бы для вас это плохо не кончилось.

ЛИНЕВ. Как хорошо, Василий Андреевич, что бог послал мне такие знакомства. Смотрю я на вас сейчас и думаю: нет, не напрасно мне жизнь была дана. Вот и сейчас по душам поговорили. И никто не мешал. Никто. Прощайте, Василий Андреевич... Мне и впрямь ехать пора... А то вот отчего-то генерал Дубельт нервничать изволит. Храни вас господь, Василий Андреевич, от такой судьбы, как у Пушкина...

ЖУКОВСКИЙ. Я похлопочу об вас... Даст бог - свидимся.

/ЛИНЕВ уходит./

ДУБЕЛЬТ. Напрасные хлопоты, Василий Андреевич.

ЖУКОВСКИЙ. Отчего же?

ДУБЕЛЬТ. Ваши хлопоты ничего не дают. Они только усугубляют положение.

ЖУКОВСКИЙ. Так ли? Кончина Пушкина доказала мне: надлежит быть настойчивей, хлопотать еще более, взывать к совести постоянно...

ДУБЕЛЬТ. Взывайте, взывайте... А каков однако этот Линеv... Дерзок...

ЖУКОВСКИЙ. Напрасно вы так с ним. А он так себя вел, ибо защищал свое достоинство...

ДУБЕЛЬТ. Кабы он один... Вам, несомненно, известны стихи "На смерть поэта", появившиеся сразу же после кончины Пушкина. Оставим Линева - с ним покончено... Однако есть и другие. Вот и эти стихи. Не отпирайтесь: их читали у вас еще тогда, когда гроб Пушкина был в Конюшенной церкви... Потом автор приписал к своей элегии последнюю строфу: "А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов..." И так далее. За это воззвание к революции автора взяли под стражу. Вы, кстати, знаете, кто автор?

ЖУКОВСКИЙ. Знаю.

ДУБЕЛЬТ. Вот-вот. Корнет лейб-гусарского полка Лермонтов, вчерашний юнкер. Юнец весьма распушенный, воображающий себя поэтом. Он и вас клеймит в этой элегии, Василий Андреевич! Это и вы - "жадной толпой стоящие у трона",

"И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!"

ЖУКОВСКИЙ. К себе сего не отношу. Но полагаю - Пушкин вызвал на дуэль не только Дантеса, а всех тех и все то, что стояло за дантесовской спиной. Причина дуэли не только

ревность. Пушкин вызвал на дуэль все ненавистное ему в свете. Знаете, я не разделяю взглядов Лермонтова. Но кое в чем с ним согласен.

ДУБЕЛЬТ. Как угодно. Но знаете, корнет Лермонтов арестован приказанием государя. Государь приказал посетить его медикам, чтобы удостовериться, не помешан ли он — после чего с ним будет поступлено согласно закону... Ведь не пойдете же вы к государю, как это обыкновенно делаете, испрашивать милости этому выскочке?

ЖУКОВСКИЙ. Что касается Лермонтова, то я уже просил за него у государя, и тот обещал даровать юноше смягчение участи.

ДУБЕЛЬТ. Вот как? Вы, оказывается, еще и деятельны? Я вас недооценивал. Вы, оказывается, еще можете быть опасны, Василий Андреевич. Я, право, боюсь за наследника, которого вы воспитываете, боюсь вашего воспитания...

ЖУКОВСКИЙ. А я хотел бы, чтоб у России прежде всего было доброе сердце. Чтоб Россию не боялись в мире. Чтоб Россию — любили. И моя преданность отечеству и престолу русскому для меня превыше всего.

ДУБЕЛЬТ. Так ли?

ЖУКОВСКИЙ. И вы сомневаетесь?

ДУБЕЛЬТ. В искренности вашей нисколько. Однако же доброе сердце, как вы выразились... Вот парадокс! Сколько зла может принести доброе сердце! И он не выдуман, Василий Андреевич, этот парадокс. Ибо, творя так называемое добро, вы причиняете — извините — зло! И другим, и себе!

ЖУКОВСКИЙ /поражен/. Но позвольте, о чем вы? Вы не оговорились ли, Леонтий Васильевич?

ДУБЕЛЬТ. Нет, не оговорился. И снова берусь доказать вам справедливость своих слов. Вспомните вашу историю с Машенькой Протасовой.

ЖУКОВСКИЙ. Леонтий Васильевич, я не позволю вам об этом говорить. Для меня это слишком дорого и больно. Для меня это священо!

ДУБЕЛЬТ. Василий Андреевич, я глубоко уважаю вас - и сам себе об этом говорить не позволю. Но я прошу вас: вспомните последнюю вашу встречу с Машенькой. Здесь, в Петербурге, у Карамзиных... Это будет красноречивее всех моих слов.

Картина двенадцатая

В доме Карамзиных. СОФИ и МАШЕНЬКА ПРОТАСОВА.

СОФИ /смотрит в окно/. Подъехал! Сейчас войдет...

МАШЕНЬКА. Ах, Софи! Я очень волнуюсь. Наверное, напрасно! Напрасно все это...

СОФИ. Не волнуйся. Это надо в конце концов. И заметь: дом пуст, вы можете говорить в полный голос. Я буду внизу. Ну... решайся. /Уходит./

/С противоположной стороны входит ЖУКОВСКИЙ./

ЖУКОВСКИЙ. Машенька! Такая неожиданность - твой приезд! Наша встреча... Здесь... Какое счастье!

МАШЕНЬКА /сухо/. Здравствуй... Я тоже весьма рада. При-
сядь.

ЖУКОВСКИЙ. Что с тобой? Ты так холодна?..

МАШЕНЬКА. Со мной? Со мной ничего. Я здесь случайно, проездом...

ЖУКОВСКИЙ /упавшим голосом/. Да-да... Ну и... как ты живешь?

МАШЕНЬКА /холодно/. Все очень хорошо... Все получилось так, как ты предсказывал. Муж мой замечательный человек. И очень порядочный. Дети растут, здоровы. Я хозяйством занимаюсь...

ЖУКОВСКИЙ. Я слышал много о тебе замечательного. То, что ты продала пианино, а деньги разделила бедным крестьянам. Взяла в дом трех мальчиков-сирот...

МАШЕНЬКА. Да, я довольна. Я очень довольна своей участью. Вы с маменькой оказались правы. Совершенно правы. Ведь маменька убедила тебя: если б ты на мне женился - это бы не было добро! Нам нельзя было пожениться - мы родственники. Такой брак не есть добро.

ЖУКОВСКИЙ. Машенька! Я люблю тебя больше жизни! Единственная на всю жизнь, до конца дней моих!

МАШЕНЬКА /холодно/. Я тоже люблю тебя... Но разве это самое важное? Ведь ты согласился с маменькой... И убедил меня... Я вышла замуж за прекрасного человека. Правда, я не люблю его. Но добро восторжествовало.

ЖУКОВСКИЙ. Да, да... Я тоже очень доволен. /В порыве./ Ах, Машенька, я несчастлив!.. Я безмерно несчастлив! /Закрывает лицо руками./ Нет-нет! Я очень доволен. Я рад за тебя! На свете много прекрасного и без счастья.

МАШЕНЬКА. Вот и поговорили! /Встает./ Наверное, мне пора...

ЖУКОВСКИЙ. Да, надо идти...

МАШЕНЬКА. До свидания.

/Пауза. Маша идет к двери./

ЖУКОВСКИЙ. Машенька! Остановись! Я от тебя жду... всего.
У меня совсем ничего не осталось. Остановись, ради бога!
Мне кажется, что я все на свете потерял!

МАШЕНЬКА /подходит к нему/. Не надо. Иди...

ЖУКОВСКИЙ. Да, извини... Я должен идти.

МАШЕНЬКА. Остановись!.. Ангел мой Жуковский! Где ты?
Все сердце по тебе изныло. /Бросается к нему./ Ах, милый!

ЖУКОВСКИЙ. Машенька!.. /Обнимает ее./

МАШЕНЬКА. Неужели ты не отгадываешь моего мучения?
Пожалей! Отступись от себя. Хотя один раз в жизни!

ЖУКОВСКИЙ. Да, Машенька...

МАШЕНЬКА. Ты мое первое счастье на свете!

ЖУКОВСКИЙ. Да, Машенька... /Пауза, объятия./

МАШЕНЬКА. Милый... Дом пуст. Никого нет...

ЖУКОВСКИЙ /отстраняя ее руки/. Есть бог!

МАШЕНЬКА. Ты неисправим...

ЖУКОВСКИЙ. Наша любовь должна быть чиста перед людьми
и перед богом.

МАШЕНЬКА. Мне... мне... плохо!

ЖУКОВСКИЙ. Что?... что?

МАШЕНЬКА. Дурно мне! Воды!

/ЖУКОВСКИЙ убегает. Вбегает СОФИ./

СОФИ. Что с тобой?

МАШЕНЬКА. Ничего... Сейчас пройдет... Пройдет... Софи,
я скоро умру... Я это чувствую...

Картина тринадцатая

Квартира Жуковского. ЖУКОВСКИЙ и ДУБЕЛЬТ.

ДУБЕЛЬТ. И Машенька вскоре умерла. Я не знаю, Василий Андреевич, что у вас произошло. Все это — ваше, личное... Но уверен: вы, искренно желая добра, доставили одно зло. И себе, и ей — Машеньке.

ЖУКОВСКИЙ. Это правда. Я понял. Я ужасен...

ДУБЕЛЬТ. Хотите еще? Смерть Машеньки стала подлинной трагедией вашей жизни. Какие проникновенные стихи вы об этом написали! Но жизнь берет свое. Минуло несколько лет — и прошел слух об вашей помолвке с Софи Карамзиной...

ЖУКОВСКИЙ. Это был не пустой слух...

ДУБЕЛЬТ. А что вышло? Вот ваша некая чистота нравов и благодать порывов... Эх, Василий Андреевич! Да ведь женщинам не нужна вся эта чистота и благодать. Будь так, наши дамы сидели бы в старых девках. Вот и Софи до сих пор незамужем.

ЖУКОВСКИЙ. Не говорите такое. Я уже сам не знаю, что думать и о ней, и о себе... Может быть, вся моя доброта — лишь самообман?... Может, вы правы, Леонтий Васильевич?

ДУБЕЛЬТ. И слава богу! Согласитесь! Для своей же пользы — согласились. И поймите меня, Василий Андреевич, я не утверждаю, будто люди — злы. Люди есть люди. Добро и зло в них перемешаны. Да и сами понятия добра и зла — относительны. Вот для вас есть что-то — добро. А для других оно — зло. И наоборот. В ваших взглядах — все ваши несчастья...

ЖУКОВСКИЙ. Вы так полагаете?

ДУБЕЛЬТ. Я хочу помочь вам. А ваши политические воззрения? Они эфемерны. Радикалы считают вас ярым роялистом. Роялисты не доверяют вам. А государь? Он ценит вас, но может ли оправдать ваше всегдашнее заступничество за мятежников, опасных журналистов, опальных лиц?

ЖУКОВСКИЙ. Леонтий Васильевич! Раньше, когда вы со мной спорили, вы будто со мной боролись... А теперь — мне сочувствуете?

ДУБЕЛЬТ. В нашем споре, признаться, я почувствовал к вам живую симпатию. Я ведь не только жандарм. Я еще и человек. В нашем споре во мне всколыхнулось что-то давнее, юношеское. Я вам сочувствую. Вы одиноки. Вокруг вас пустыня.

ЖУКОВСКИЙ. Благодарю вас. И вы опять правы... Я одинок. Все знают: Жуковский — талант, осыпан милостями, на верху общества... И никто не знает, как одинок Жуковский. Я думал — я с Россией. А вокруг действительно пустыня.

ДУБЕЛЬТ. Я бы хотел по-дружески пробиться к вам... Но — служба... Вот — пакеты.

ЖУКОВСКИЙ. Что — пакеты?

ДУБЕЛЬТ. Василий Андреевич, вы не позволите мне вскрыть их?..

ЖУКОВСКИЙ. Ни в каком случае. При всем уважении к вам.

ДУБЕЛЬТ. Василий Андреевич, насколько я могу представить, в этих пакетах нечто сомнительное?

ЖУКОВСКИЙ. Возможно.

ДУБЕЛЬТ. Василий Андреевич, вы понимаете... Мне не хотелось бы причинять вам неприятности. Я не хочу вам ничего злого... Вы мне верите?

ЖУКОВСКИЙ. Я вам верю.

ДУБЕЛЬТ. В таком случае не надобно, чтобы я поймал вас с поличным и доложил об этом государю. Вы сможете это сжечь? Сами? И я навсегда забуду об этих пакетах. Их просто не было... Так что сжечь для общей пользы.

ЖУКОВСКИЙ. Для общей пользы... Сам... Сжечь... Вы толкаете меня на это. Что ж, я смогу. Вы знаете, в споре с вами я меняюсь. Я действительно, ощущаю зло в себе.

ДУБЕЛЬТ. Извольте: первый пакет...

ЖУКОВСКИЙ. Первый пакет... /Бросает его в горящий камин./

ДУБЕЛЬТ. Еще. Сразу три.

ЖУКОВСКИЙ. И еще. Сразу три. /Бросает пакеты в огонь./

ДУБЕЛЬТ. И последний.

ЖУКОВСКИЙ. И последний. /Взял пакет, замер на мгновение, сомневаясь, и бросил в огонь./

ДУБЕЛЬТ. Вот и все...

ЖУКОВСКИЙ. Вот и все.

ДУБЕЛЬТ. Поздравляю вас, Василий Андреевич. Дайте я обниму вас как друга... /Обнимает Жуковского./ Мне так важно все это было... Я заколебался... Но мне надо было убедиться в своей правоте.

ЖУКОВСКИЙ. Как друга... Но вы... Вы сломили меня...

ДУБЕЛЬТ. Я? Сломил?... Мне кажется, вы сами этого хотели. А я лишь снял с вас нравственную ответственность за смерть Пушкина.

ЖУКОВСКИЙ. Мне кажется, я зол сейчас на весь мир... Я не могу... Я оставляю вас... /Уходит./

ДУБЕЛЬТ. Эх, Жуковский! Я-то думал, ты Дон-Кишот...

Обидно, право!

/Входит СОФИ./

СОФИ. Василий Андреевич выбежал в какой-то горячке.

А ты здесь...

ДУБЕЛЬТ. Ты шла к Жуковскому...

СОФИ. Я хотела видеть тебя. После того утра, перед отпеванием, ты вовсе куда-то пропал. Я решилась отыскать тебя.

ДУБЕЛЬТ. И спросить об моей последней фразе?

СОФИ. Да, она меня очень мучает.

ДУБЕЛЬТ. Меня, признаться, тоже. То ли бумаги Пушкина повлияли... Я сейчас сам себя не узнаю... Странно.

СОФИ. Ты говорил, если бы не ты, то Пушкин и сейчас был жив.

ДУБЕЛЬТ /подходит к ней, перебивая/. Не надо об этом, Софи!

СОФИ/отстраняется/. Я хочу знать все об этом, слышишь?

ДУБЕЛЬТ. Что ж, изволь. Надобно же об этом кому-то сказать... История, впрочем, небольшая. За два дня до дуэли стало известно, что Пушкин отправил письмо голландскому посланнику Геккерну и что дуэль неотвратима. Потом уяснилось и место дуэли: Черная речка, у Комендантской дачи. Мне поступило приказание отправить туда жандармов, дабы этой дуэли помешать. Я послал жандармов в другую сторону, в Екатерингоф... Вот и все.

СОФИ /смотрит на Дубельта широко открытыми глазами/.
Значит, если бы ты отправил жандармов на Черную речку - Пушкин был бы жив?

ДУБЕЛЬТ. Да, жив.

СОФИ. Так зачем же ты сделал это?

ДУБЕЛЬТ. Пушкин защищал свою честь. Каждый имеет право защищать свою честь. Почему я должен мешать этому?

СОФИ. Ты убил Пушкина!

ДУБЕЛЬТ. О нет! Я просто оставил ему возможность драться. Ведь дуэль могла кончиться как угодно. Мог Дантес убить Пушкина. Мог и Пушкин убить Дантеса. Последнее более вероятно: Пушкин стрелял лучше. Все остальное случившееся — стечение обстоятельств, которые от меня не зависели.

СОФИ. Господи, неужели в тебе не проснулась хотя бы искра жалости!

ДУБЕЛЬТ. Жалости было достаточно в Жуковском. Я же поддерживал человеческое благородство.

СОФИ. Как смеешь ты говорить о благородстве? Играть в красивые слова? Ты очень хорошо научился понимать приказание вышестоящих, которым было угодно поиграть с жизнью Пушкина! И ты — ради собственного спокойствия и придумав "благородное" оправдание, сделал то, что тебя просили: если не в строках, то между строк!

ДУБЕЛЬТ. Софья Николаевна, вы можете судить обо мне как вам заблагорассудится... Да, я сделал непростительную глупость, рассказав все это! Что со мной? Смерть Пушкина повлияла? Жуковский повлиял, что ли? Нелепо... /Резко, вскинув голову./ Больше со мной этого не повторится. И добавить мне нечего.

СОФИ. Господи, как я была глупа! Верила тебе, Дантесу, Идалии — таким, как ты! А ты — бес. Да, ты кажешься человеком.

Ты никогда не ошибаешься, ты всегда прав. Ты действуешь наверняка. Ты всегда в выигрыше. Но от таких, как ты — все знающих, умных, хладнокровных, — происходит все темное. Нет, ты сам не убьешь — но ты разрешишь убийство! К счастью для себя, я это поняла.

/Входит ЖУКОВСКИЙ./

Василий Андреевич, позвольте вам представить: перед вами — убийца Пушкина. /Убегает./

ЖУКОВСКИЙ. Что это значит?

ДУБЕЛЬТ /с усмешкой/. Это значит, что перед вами убийца Пушкина... Не могу же я отвечать за каждое слово иступленной дамы! Но я чист перед будущностью. Я чист и перед Пушкиным, коего искренне ценю и люблю. И потомки ни в чем не смогут упрекнуть меня. Потомки оценят мою честность. /Неожиданно с глубокой печалью./ Впрочем, я сам не знаю, почему я так поступил. Одно знаю: я честен.

ЖУКОВСКИЙ. Я не подвергаю сомнению вашу честность, Леонтий Васильевич. Но я будто прозрел. Я вдруг понял. Вы на меня повлияли. Я применил вашу логику — и понял: вы очень искусно обвинили меня в том, в чем, возможно, виноваты сами. Софья Николаевна, конечно, погорячилась. Но вы — в числе виновных в гибели Пушкина, я так полагаю... Вы меня поколебали в самом главном. Но такое более со мной не повторится.

ДУБЕЛЬТ. Да полноте, Василий Андреевич! На поверку оказалось, что как только я поймал вас с поличным, вы сразу стали логичны и расчетливы и весьма легко отступили от своего Пушкина. И сами сожгли его бумаги.

ЖУКОВСКИЙ. Как? Вы полагаете, что это были бумаги Пушкина?

ДУБЕЛЬТ. Что? Опомнитесь, Василий Андреевич, что вы такое говорите?

ЖУКОВСКИЙ. Бумаги Пушкина я не мог бы сжечь и под страхом казни... Это были другие бумаги. Отзывы многих честных людей, ообранные Линевым и еще кое-кем, относительно смерти Пушкина. Конечно, мне было очень жаль сжигать их...

ДУБЕЛЬТ. Почему же вы мне не объяснили?

ЖУКОВСКИЙ. Я не хотел подвергать этих людей опале и унижениям...

ДУБЕЛЬТ. Позвольте, но те пять пакетов, которые вы вынесли из квартиры Пушкина... Где они?

ЖУКОВСКИЙ. Я уже говорил об них. То были письма Натальи Николаевны к Пушкину в бытность его еще женихом. Она просила меня изъять их из бумаг Пушкина, что и было исполнено... И произошло совпадение: здесь тоже было пять пакетов...

ДУБЕЛЬТ. Я вам не верю... А вы ловко меня провели.

ЖУКОВСКИЙ. Я кое-чему научился у вас.

ДУБЕЛЬТ. Но теперь уже совершенно очевидно - и не отпирайтесь - вы ставили и ставите своей целью сохранить все бумаги Пушкина, даже сомнительные, могущие бросить ложный свет на многое в будущем. Вы нарушили приказание графа Бенкендорфа: сжечь все сомнительное, могущее повредить репутации покойного. Не отпирайтесь.

ЖУКОВСКИЙ. К чему мне отпираться, генерал? Да, я ставлю такую цель. Потомки должны знать всю правду о Пушкине.

ДУБЕЛЬТ. Правда - относительное понятие.

ЖУКОВСКИЙ. Правда - вечное понятие. Равно, как и добро.

ДУБЕЛЬТ. Слова! Вам не надоели еще высокопарные слова, Василий Андреевич? Мне они оскомину набили. Я знаю, правдой является лишь то, что за нее выдается. То, что требуется сказать общественному мнению. Добром является лишь то, что выдается за оное в людских головах. Ни вечной правды, ни вечного добра — не существует и никогда не будет существовать. Вы думаете, о Пушкине когда-нибудь скажут так называемую правду? То есть то, что он был на самом деле? Оставьте!

ЖУКОВСКИЙ. Я не согласен с вами. И полагаю, что спор наш никогда не кончится.

ДУБЕЛЬТ. О да! Ведь мы с вами враги, милейший Василий Андреевич...

ЖУКОВСКИЙ. Я никогда в жизни не имел врагов. А вы повернули так, что мы с вами действительно стали врагами... Вы ищете врагов. И находите их. И рождаете себе врагов! Вам кажется, что вы уничтожаете крамолу. О нет, вы содействуете ее появлению. Вы, с вашим представлением об относительности добра и правды, разрушаете извечное, святое, наши национальные традиции. Для вас нет ничего святого. Ибо вы ни во что не верите... Вы и Пушкину не верили, вы и ваши помощники всю жизнь его держали под надзором.

ДУБЕЛЬТ. Не говорите лишнего, Василий Андреевич, даже в запальчивости не говорите...

ЖУКОВСКИЙ. Это — не в запальчивости, это — обдуманно. И я не просто говорю. Я это уже написал в письме графу Бенкендорфу. /Достает письмо./ Еще не отправил. Извольте выслушать кое-что из письма. Это относится и к вам тоже... Вот что я пишу о пожизненном надзоре за Пушкиным:

"Пушкин ^{х/} мужал зрелым умом и поэтическим дарованием, несмотря на раздражительную тягость своего положения, которому не мог конца предвидеть, ибо он мог постичь, что не изменившееся в течение десяти лет останется таким и на целую жизнь, и что ему никогда не освободиться от того надзора". И далее: "ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить и по России, ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои сочинения..."

ДУБЕЛЬТ. Простите, Василий Андреевич, но советую вам не отправлять подобное письмо.

ЖУКОВСКИЙ. Я знаю, как мне поступить, Леонтий Васильевич. Прошу вас послушать, что я опишу графу о смерти Пушкина. Ведь и смерть его представили в виде заговора. "...Назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какой-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на которой собрались не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились о умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви". /Прерывает чтение. Шум на лестнице./ И что там такое? Кто? Пропустите, пропустите...

/Входит САЗОНОВ./

САЗОНОВ. Здравствуйте желаю... /Видит Дубельта, они с Дубельтом оторопело смотрят друг на друга./ ...Здравствовать желаю, господа хорошие.

^{х/} Подлинное письмо Жуковского Бенкендорфу.

ДУБЕЛЬТ. Сазонов... Сбежал? Из-под стражи ушел?

САЗОНОВ. Ушел, вашество...

ДУБЕЛЬТ. А знаешь, что за побег положено?

САЗОНОВ. Знаю... Душа не вытерпела.

ДУБЕЛЬТ. Не ожидал меня встретить?

САЗОНОВ. Не ожидал, вашество.

ДУБЕЛЬТ. Зачем ты здесь?

САЗОНОВ /кивает на Жуковского/. Я к ихней милости.

Крестик принес.

ЖУКОВСКИЙ. Какой крестик? Ничего не понимаю.

САЗОНОВ. Дак... его крестик... убиенного. Говорят, вы все про убиенного собираете... А это его, его крестик. Он у меня еще с Лицея. Я его всю каторгу на себе носил. Берите, вашество.

ЖУКОВСКИЙ /берет крестик/. Я тебе заплачу.

САЗОНОВ. Нет, вашество. Денег мне за это не надобно.

/Поворачивается, чтобы уйти./

ДУБЕЛЬТ. Стой! Стой, убивец!

САЗОНОВ. Кто это здесь убивец? /Выхватывает нож, медленно наступает на Дубельта./

ДУБЕЛЬТ. Но, но... Не смей... /Пауза. Дубельт берет лист бумаги, что-то пишет./ ...Вот тебе. /Подает лист./
Здесь написано: коли тебя задержат - будто ты мной отпущен.
За давностью.

САЗОНОВ /берет лист, прячет нож/. Благодарствую, вашество.

ДУБЕЛЬТ. Теперь ступай. Чего еще придумал: крестик.

ЖУКОВСКИЙ. Спасибо, Егор Сазонов.

/САЗОНОВ кланяется и уходит./

ДУБЕЛЬТ. Придумал наверняка. Откуда у него пушкинский крестик?

ЖУКОВСКИЙ. Не в том дело. Даже если придумал. Душа воскресла...

ДУБЕЛЬТ. Вы, вероятно, опять о своей доброте. Вы, может быть, и Пушкина представляете таким же добреньким, как вы сами?

ЖУКОВСКИЙ. Нет, Пушкин был не таким. Он знал и бесовские:

"Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине..."

Он знал: бесы живут в России и обликом — похожи на людей. Бесы носят партикулярные платья и мундиры, наносят визиты, ухаживают за дамами... Но они — бесы. У них есть лишь ум, есть логика, есть вид, но нет жизни... Но нет души. Нет сердца. Нет веры. Они противны русской душе.

ДУБЕЛЬТ. Вы хотите меня оскорбить — и напрасно. Я просто-напросто не понимаю вас.

ЖУКОВСКИЙ. И не поймете. Вы ведь и Пушкина не поняли. Он выше вашего спокойствия и ваших расчетов. Он олицетворенная русская гармония. Он совместил все начала, может, даже и ваше, и мое! Но главное в нем — добро и свет! Но главное в нем, как сказано в его "Памятнике", то "что чувства добрые я лирой пробуждал".

ДУБЕЛЬТ. Оставьте! Добро, Пушкин... Сами знаете, каков был его конец. Где он сегодня, Пушкин? Вышел, так сказать, бороться со злом на своей дуэли. Так где же он сегодня, Пушкин?

/ЖУКОВСКИЙ и ДУБЕЛЬТ стоят друг против друга, как на дуэли. Они обессилели, с ненавистью смотрят друг на друга. И вдруг появляется ПУШКИН. Да, это убиенный и в то же время живой, просветленный, все познавший Пушкин. Он проходит между зпорящими, выходит на авансцену./

ПУШКИН. Я не знаю, что мои бумаги будут со тщательностью сохранены. Я не знаю, что моя младшая дочь Наталья выйдет замуж за сына Дубельта Михаила. Я не знаю, что дочь моего убийцы Дантеса проклянет отца и полюбит мою поэзию.

Я был русский писатель в стихах и прозе. Масштабы, коими меряются дела и имя писателя -- особенные. Что нужно писателю? Философию, беспристрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка, никакой любимой мысли. И, конечно, свобода. Поэтому никакая власть, никакое правление не может устоять против действия политического снаряда, против слова... И дай бог, чтобы слова мои произвели, хоть каплю добра! Я не написал своей повести "Влюбленный бес". О том, как бес влюбляется в девушку, принимает человеческий облик, пытается ее соблазнить... Я многое не написал, а задумывал романы, поэмы, исторические сочинения... Я не успел...

Я не знаю, что вам говорят обо мне. Не знаю, каким меня рисуют в прозе, в стихах. Или в театре. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Надлежит обращать внимание лишь на дух, в каком задумано сочинение.

А моя жизнь и моя смерть... что в них? /Зрителям./

А ваша жизнь - что в ней? Жизнь все еще богата: вы встретите новых знакомцев, новые созреют вам друзья. Дочери будут расти, вырастут невесты. А вы будете старые хрычи, жены ваши - старые хрычовки... А детки будут славные, молодые, веселые ребята, а мальчики станут повесничать, а девочки сентиментальничать... А вам то и любо.

А ваша будущая смерть... что в ней?

"Все, все, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья -

Бессмертья, может быть, залог.

И счастлив тот, кто средь волненья

Их обретать и ведать мог".

К о н е ц

Адреса авторов:

Аринин Влад.Иванович. Всюгда, 16001, ул.Челюскинцев, 8, кв.18, тел. 2-59-55.

Кошелев Вяч.Анатольевич, Череповец, 162000, ул.Беляева, д.21, кв.69, т.3-86-000.

Заказ 699 Тираж 210 10/X-1985 г.

Типография ВААП

~~ЦЕНА 1 руб. 30 коп.~~

130р.

© 1985г.

Зак. 689

Типография ВЛАП

Тир. 210